

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. ВОЛОДИХИН

ГЛАВНЫЕ ЛЮДИ ОПРИЧНИНЫ

Дипломаты. Воеводы. Каратели
Вторая половина XVI в.

Новейшие исследования по истории России

Дмитрий Володихин

**Главные люди опричнины:
Дипломаты. Воеводы. Каратели.
Вторая половина XVI в.**

«Центрполиграф»

2024

УДК 94(470)"16/17"
ББК 63.3(2)45

Володихин Д. М.

Главные люди опричнины: Дипломаты. Воеводы. Каратели. Вторая половина XVI в. / Д. М. Володихин — «Центрполиграф», 2024 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10670-4

Опричнина просуществовала в России с 1565 по 1572 г. В состав ее «верхушки» попали очень разные люди: Алексей Басманов, Федор Трубецкой, Василий Темкин-Ростовский, Афанасий Вяземский, Михаил Безнин, Григорий Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта и тысячи других — как аристократов, так и дворян малозаметных. У них были противоположные интересы. Одни готовы были разрушить традиционный порядок. Другие собирались только подновить старый уклад. Третьи стояли за этот уклад и чувствовали себя случайными людьми в «черном царевом воинстве». Волей-неволей всем опричным лидерам приходилось принимать на себя часть груза великих государственных дел. Кое-кто готов был служить у вершин власти, имел желание и способности к большой государственной работе. Другие же искали возвышения, но не понимали всей ответственности будущего своего положения. А некоторые готовы были купить возвышение работой карателя, зная только один инструмент государственной политики — казни. О загадках опричнины и людях, бывших в этот период в окружении Ивана Грозного, рассказывает книга доктора исторических наук, профессора Д.М. Володихина. Опричнина показана глазами самих опричников, и в этом состоит новизна книги. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)"16/17"

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-227-10670-4

© Володихин Д. М., 2024

© Центрполиграф, 2024

Содержание

Взгляд изнутри	7
Государь. Опричина глазами царя Ивана Васильевича	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Михайлович Володихин
Главные люди опричнины. Дипломаты.
Воеводы. Каратели. Вторая половина XVI в

© Володихин Д.М., 2024

© «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Взгляд изнутри

Об опричнине писали миллион раз.

За последние годы ни одного крупного источника по истории опричнины в научный оборот введено не было.

Что должен сделать историк, который хочет нечто новое написать об опричнине, но не имеет шансов поработать с новыми источниками?

Конечно, лучший путь – всмотреться в источники давно известные, вновь подвергнуть их детальному анализу и вытянуть то, до чего еще никто не докопался. Новую концепцию устройства опричнины. Или, например, новый взгляд на ее роль в русской истории. Или просто – ряд важных частных, прошедших мимо исследовательских усилий предшественников.

Превосходно! Красивая, честная, традиционная работа.

Каноны академического исследования требуют, чтобы начиналась такая книга длинным перечислением идей и мнений, высказанных другими историками по данному конкретному поводу. Вот как думал Николай Михайлович Карамзин. А вот так – Василий Осипович Ключевский. Эта остроумная оценка принадлежит Сергею Федоровичу Платонову. А по этому вопросу сильнейшим специалистом справедливо считают Степана Борисовича Веселовского. Или Руслана Григорьевича Скрынникова. Или Бориса Николаевича Флору. Или... А в финале добавляется: «Но есть еще одно прочтение, которое и предлагает автор этой монографии».

Иногда, действительно, рождается новая, взвешенная, оригинальная трактовка. Однако подлинную ее обоснованность могут оценить со знанием дела лишь немногочисленные специалисты, глубоко погруженные в материал. И очень редко удастся полноценно, во всех тонкостях оценить ее слабые и сильные стороны массовому читателю, интересующемуся русской историей. Поэтому, к сожалению, хорошая книга, написанная первоклассным знатоком, тонет в море макулатуры, созданной повелителями компьютерных команд *copy* и *paste*. Всемирная сетевая помойка дает им океан материала...

Есть другой путь. Можно попробовать стезю исторического публициста или, скажем, историософа. Дать некое новое осмысление опричнины, отразить ее в художественных образах потрясающей силы... Да вот беда: с середины XIX века вся историософия вокруг опричнины укладывается в простенький набор – либо за почвенников и славянофилов, либо за либералов и западников. А художественные образы на протяжении полутора столетий схлопываются в незамысловатые словосочетания: либо «мудрый и дальновидный государь...», либо «кровавый и деспотичный маньяк...». Один-единственный раз нашелся человек, написавший великую, беспощадно пронизательную книгу, вываливающуюся из этой примитивной двухполюсности, парящую над судьбами всей Европы. Это был профессор Московского университета Роберт Юрьевич Виппер. Но его «Иван Грозный», вышедший в 1922 году, был страшно изуродован редактором при переиздании 1942 года. С тех пор блистательный труд Виппера знали большей частью по жалкой поздней копии...

Третий путь был открыт совсем недавно. Если есть желание сделать из истории шоу, никто не помешает воскликнуть: «Да была ли вообще эта опричнина? И если была, то почему всего одна, а не две или три? Вот царей Иванов Грозных точно было не менее четырех!» И так далее – обращаться за консультациями к Анатолию Тимофеевичу Фоменко, великому гуру отечественных шарлатанов.

Резюме: невероятно трудно по-настоящему хорошо написать о предмете, попадавшем на перо миллион раз... А повторять уже сказанное – низость, халтура, загробная пощечина Гутенбергу.

Автор этих строк не пытался изобрести какой-то миллион первый взгляд на опричнину, иначе говоря, миллион первый взгляд *снаружи*.

Он поставил перед собой другую задачу: показать, как смотрели на весь опричный уклад сами опричники изнутри.

Опричина простояла семь с половиной лет. В ее состав попали очень разные люди. Опричнину питало несколько устойчивых общественных групп. Их представители имели расходящиеся, порою противоположные интересы. Одни готовы были весьма далеко зайти, разрушая традиционный, доопричный порядок. Другие собирались откорректировать старый уклад, но никак не разваливать его. Третьи были этим укладом совершенно довольны и чувствовали себя случайными людьми в «черном воинстве».

Волей-неволей всем опричным лидерам приходилось принимать на хребет часть груза великих государственных дел. Кое-кто готов был служить у вершин власти, имел желание и способности к большой государственной работе. Другие же искали возвышения, но не понимали, какой воз им придется везти.

Некоторые делали карьеру, пуская кровь единоплеменникам и единоверцам. Ну а кто всю опричнину прошел, не замаравшись в карательных операциях, но оставаясь честным служилым человеком государю и отечеству.

Часть видных опричных деятелей понимали свою пользу от сего учреждения, но, по большому счету, неплохо прожили бы и без него. У другой части вся жизнь, карьера и достаток зависели от ее сохранения...

Сумма интересов, целей и достижений главнейших деятелей опричнины дает невероятно пеструю картину. *В опричнине видели разное, от опричнины хотели разного, опричнину по-разному защищали, от опричнины по-разному зависели. Соответственно, не была она монолитом. Нет в ней ни единства замысла, ни единства идеалов, ни единства практической деятельности.*

Для того чтобы понять, до какой степени эта пестрота не соответствует представлениям о какой-то цельности опричной системы, – не важно, положительно ли воспринимается эта цельность, отрицательно ли, – следует взглянуть в судьбы вождей опричнины. Каждый из них – по-своему незаурядная личность. До наших дней дошло очень мало свидетельств об их словах, мыслях, идеях. Зато источники позволяют реконструировать их карьеру, их действия. А политика и военного человека действия характеризуют гораздо лучше, чем слова...

На истершихся каменных плитах прошлого, если всмотреться, проступает рисунок служебных назначений, удач и поражений на поле боя, материального достатка и семейно-родовых отношений. А рядом выцветшие капли киновари складываются в узор, передающий застывшее навеки эхо казней.

Чего они хотели? Что получили? Чем были вознаграждены и наказаны?

Тут каждая судьба – притча. Следя за ее развитием, обнаруживаешь смыслы, принадлежащие грешной земле. Но вот она приходит к финалу. Тогда всё мимолетное и земное никнет, давая место высокой правде, посланной Отцом Небесным. А уж какая кому из людей XVI века досталась последняя правда, зависело от его собственной души и воли. На могильные камни некоторых из них в пору возлагать цветы да молиться об их душах, прося у Бога самого лучшего к ним отношения. У других же до сих пор страшным смрадом несет из-под надгробия.

Они ведь как мы...

Государь. Опричнина глазами царя Ивана Васильевича

Светлые церкви Господни блещут золотыми крестами. Редкие тучки плывут по высокому чистому небу. С литургии выходит воинство, облаченное в одеяния цвета воронова крыла. Разбредается оно по застенкам, по пыточным палатам, и звучат оттуда крики, и кровь растекается от порогов. Великий государь под охраною лучших бойцов созывает всё братство на пир. Там он вершит суд и расправу. То казнит тысячу за изменное дело, то помилует десять тысяч, являя царскую милость. То нахмурится, бровью поведет сурово, то недобро рассмеется, то изречет слово великое и тяжкое, то отпустит шутку, от которой уста смеются, а сердца леденеют. Или вдруг задумается глубоко, и воцарится в чертоге трапезном тишина: кто посмеет прерывать думу государеву? Руки с чашами застынут в воздухе, никто вина не глотнет, не шелохнется. Встанет великий государь да молвит негромко: «Было мне видение... Завтра поутру идем на Новгород. Гой-да, братия!» Тут вся палата откликнется, как один человек: «Гойда! Гойда!»

Плывет-тянется над Александровской слободою малиновый звон...

Примерно так представляет себе опричнину большинство образованных русских нашего времени. Нечто величественное и ужасное. Нечто выросшее из истинно русской почвы, где в равных пропорциях смешались деспотизм, святость и скоморошество. Нечто пугающее и, одновременно, завораживающее взор, сквозь века притягивающее умы и сердца людей.

Так вот, всё это чушь от первого до последнего слова. Образ яркий, но совершенно бессмысленный.

Крики, звон, брови, видения, пиры, кровища, да еще и святость какая-то... жуткая чушь.

Прозаическое слово «служба» гораздо точнее отражает суть опричнины, чем целая гора романтического антуража, годного лишь для авантюрных романов. Любой русский дворянин XVI века – от провинциального «сына боярского»¹ до великородного князя-Рюриковича – обязан был служить с отрочества до гробовой доски. Освобождение от службы «выписывалось» лишь по очень уважительным причинам: служилец дряхл, увечен, тяжело болен или оказался в неприятельском плену. И опричнина для многих тысяч наших дворян, вне зависимости от их знатности и богатства, выглядела прежде всего как новая система служебных отношений. А уж потом всё остальное, в том числе и звон с кровищей...

Чем не была опричнина и чем она была

Десятки первоклассных исследователей и блистательных историософов предлагали образованной публике свои ответы на вопрос о том, что такое опричнина.

В книге «Иван Грозный: Бич Божий» я дал краткий обзор главнейших мнений на этот счет². Нет смысла возвращаться к реестру подобного рода концепций. Но, пожалуй, следует перечислить те из них, которые отвергаются целиком и полностью за полной бездоказательностью или же, напротив, из-за того, что их необоснованность превосходно доказывается.

Так вот, опричнина не была...

...капризом полубезумного маньяка;

...организацией, осуществлявшей в основном охрану царя и его семьи, чем-то вроде лейб-гвардии;

...высшей формой служения Богу и государю для русских православных людей;

...инструментом борьбы с ересями;

¹ «Сын боярский» XVI–XVII веков – это не сын боярина, это всего-навсего общее обозначение одного из низших слоев дворянства.

² Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 136–143.

...аналогом НКВД в XVI веке;
...проявлением «вечного» и «естественного» для русского народа сочетания холопства с тиранией;
...зародышем истинно самодержавных начал;
...исторической случайностью.

Если кто-то из уважаемых читателей придерживается одного из перечисленных мною мнений, остается настоятельно посоветовать ему одно: закрыть книгу и не мучить себя процессом чтения.

Автор этих строк видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу не слишком обоснованную и в итоге неудавшуюся³. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления⁴, сделать ее более мобильной, полностью и безоговорочно подконтрольной государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным ее направлением. Только с началом карательных действий по «делу» И.П. Федорова она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Произошло это лишь через три года после учреждения опричной системы! Отменили же опричнину, поскольку боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям, в частности сожжению Москвы в 1571 году.

Теперь стоит обратиться к судьбе государя Ивана Васильевича. Ведь это его волей производилась реформа. Возможно, замысел ее изначально принадлежал не только ему, но и другим «отцам-основателям» опричнины. Например, боярину Басманову. Или, скажем, Василию Михайловичу Захарьину-Юрьеву. Или кому-то из рода князей Черкасских.

Но.

Если бы идея опричнины не была воспринята монархом как «своя», «родная», если бы он не предпринял активных действий по ее осуществлению, если бы он не проводил ее в жизнь мощными волевыми усилиями, ломая всякое сопротивление, то ей бы никогда не обрести плоть. Иван IV – первый и главный опричник. Его планы, его интересы при строительстве этой системы были приоритетными. Кроме того, власть государя являлась тогда основным источником законодательного творчества и политической практики. Державный правитель, возглавив опричнину, придал ей полную легитимность, хотя многие современники должны были видеть в ней какое-то небывалое, революционное действие.

Зачем ему – не государству Российскому, не русской цивилизации, не военно-служилому классу нашей страны, а лично государю Ивану Васильевичу – понадобилась эта реформа? Чего он хотел от нее?

Причины, толкнувшие царя на создание опричнины, делятся на три группы. Каждая из них может быть представлена как нить, нерасторжимо соединенная с двумя другими в подобие морского узла.

Первая из них связана с историей русской политической элиты: как она складывалась во второй половине XV – начале XVI века, сколь сложно была организована и в какие отношения вступала с московскими государями. В сущности, речь идет о том, как русские монархи и русская служилая знать делили между собою власть над страной. Аристократы не могли обхо-

³ Эта концепция ближе всего к взглядам Виппера. С тем исключением, что Роберт Юрьевич относился к личности государя и воздвижению опричнины на порядок позитивнее, нежели автор этих строк.

⁴ В первую очередь управления вооруженными силами России.

диться без законного государя, а их повелитель не умел обходиться без опоры на аристократию. Но поле для компромисса между этими двумя сторонами было одновременно и полем жесточайшей «позиционной» войны, которая велась за инструменты управления.

Вторая сложилась непосредственно перед введением опричнины – из результатов «первого раунда» Ливонской войны, из глухой борьбы Ивана Васильевича с мощными группировками княжат. Условия для большого политического кризиса складывались на протяжении десятилетий. Но лишь когда началось «обострение», когда настоящий болевой спазм пронзил верхний ярус русского общества, грянула опричная гроза, а вместе с нею – глобальная перестройка управленческих структур в Московском государстве.

Ну а **третья** кроется в психологических особенностях личности первого русского царя. На них слишком многое сваливали историки как XIX, так и XX столетий. То писали о каком-то абсолютном демонизме и бесконечном бессмысленном злодействе, то о необыкновенной мудрости и справедливости монарха... Иван Васильевич на протяжении своего весьма длинного правления неоднократно оказывался в ситуации, когда его действия – дурные ли, хорошие ли – жестко определялись обстоятельствами. Так что не стоит всякий политический поворот выводить из характера этого человека. Однако он обладал колоссальной властью, и, конечно, его личность накладывала отпечаток на то, как эта власть осуществлялась.

Государственная территория России выросла из небольшого Московского княжества, будто хлебный колос из зернышка. С конца XIII века, когда на московском престоле оказался князь Даниил Александрович, здесь утвердилось самостоятельное княжество. Она никогда не выпускала Москву из своих рук и никогда не покидала город ради иной, более богатой столицы. Потомки основателя династии, Даниловичи, постепенно «округляли» владения. Ко второй половине XIV столетия их княжество из незначительного удела превратилось в самое мощное государственное образование всей Северо-Восточной Руси. А во второй половине XV века оно росло взрывообразно. К концу правления Ивана III Великого (1462–1505) великому князю Московскому подчинялась территория в несколько раз больше, чем та, что была у него под контролем при восшествии на престол. Москва присоединила к родовым владениям Даниловичей земли, «тянувшие», как тогда говорили, к Ростову, Ярославлю, Бело-озеру, Твери, Переяславлю-Залесскому и т. п. На протяжении двух победоносных войн с Великим княжеством Литовским Иван III отобрал у западного соседа колоссальную часть Литовской Руси.

Все эти земли до присоединения к Москве подчинялись собственным княжеским династиям, чаще всего восходившим к Рюрику или Гедимину. Местные князья по «чести» и «отечеству» мало уступали московским Даниловичам, а порой и превосходили их знатностью. Но объединителями страны им не суждено было стать. У них оставался небогатый выбор: либо бежать из древних владений своего семейства, либо покориться Москве добровольно, либо же быть покоренными силой оружия. Те, кто избирал второй и третий варианты, попадали в итоге на московскую службу. Разумеется, условия службы им доставались разные, во всяком случае на протяжении первых поколений... Кто-то сохранял многие признаки прежней самостоятельности, мог иметь собственную армию, собственные административные учреждения, владел правом суда, взимания пошлин и т. п. Кто-то просто получал от московского государя собственную землю на условиях верной службы (а что получено подобным образом, то может быть впоследствии и отобрано, если государь сочтет это правильным). А кому-то доставались вотчины, никак не связанные со старыми родовыми гнездами, да и расположенные в совсем других местах...

Кроме того, в Москву, столицу богатого государства, к могущественному монарху приезжали из Литвы православные князья, желавшие на выгодных условиях стать служильцами у единоверного правителя. И некоторые из них действительно получали города и области под управление, а то и на правах вотчинного владения.

В дальнейшем понемногу меркла всякая локальная автономия, стирались всякие остатки старинной удельной «вольности». По всей стране, от края до края, на место исчезающей пестроты приходили политическая монолитность и административное единообразие. Княжата – потомки прежних полунезависимых властителей – утрачивали малейшее отличие от старомосковской знати, помимо высокородных корней да обширных земельных владений. Они более не могли претендовать даже на тень суверенных прав. Но о правах и положении предков княжата помнили очень хорошо, поэтому чувствовали ущербность своего положения... Процесс их слияния с огромной массой военно-служилого класса России шел медленно и занял многие десятилетия. Всё это время ностальгия не переставала беспокоить их умы.

Как же так? Прадед был сам себе господин. Чеканил монету, ходил войной на соседей, принимал послов от других соседей, судил и рядил, выдавал жалованные грамоты и никого не слушал. А нынче как обернулось? На любой чих – спрос из Москвы. Ни вздохнуть, ни повернуться. Тяжело, тяжело! Вот бы вернуть прежние времена.

Что они получали взамен? Шанс высоко подняться на московской службе. Ведь именно из княжат рекрутировались высшие управленцы⁵: наместники по городам, бояре и окольные⁶, воеводы в крепостях и действующей армии. Из поколения в поколение они с младых ногтей изучали только одну науку – как управлять людьми. На войне. При строительстве. При сборе податей. Решая дипломатические задачи. Усмиряя бунты. Осуществляя суд. Где угодно, когда угодно, в каких угодно условиях. И они превосходно умели управлять. А высокое положение в Москве порою давало больше выгод, чем было у их дедов и прадедов, суверенно «государивших» в каком-нибудь крупном селе...

Московские правители опирались на княжат, доверяя им всё больше и больше административной работы. Служилая аристократия была единым живым инструментом управления страной. И очень значительную часть этого инструмента составляли именно княжата.

Российский монарх оказывался в двойственном положении. С одной стороны, ему достались великолепные «управленческие кадры». С другой стороны, эти самые кадры смотрели на него без особого трепета. Повезло, дескать, московскому Ваньке всю Русь охомутать, ну да от того его род честнее наших не стал. Еще посмотрим, как Бог повернет, может, и не вечны Даниловичи... С третьей – без них просто невозможно было обойтись. Княжата оказались столь прочно встроены в систему управления страной, что заменить их было нечем. Их честолюбивые устремления превращали власть над Россией в зону компромисса: государь желал контролировать как можно больше, а княжата стремились как можно больше взять под себя. Обе стороны нуждались друг в друге. Но совершенно так же обе стороны готовы были жестоко «толкаться» друг с другом в этом пространстве компромисса.

В 1538 году во главе громадной державы оказался восьмилетний мальчик Иван IV. Круглый сирота. На протяжении многих лет от его имени правили могущественные придворные группировки. А ядром каждой из них становились наиболее влиятельные рода княжат. Ко второй половине 1550-х годов венценосный мальчик оперился, заматерел, научился отыскивать союзников. Одним словом, молодой человек превратился в зрелого мужчину. На протяжении очень долгого периода княжата пребывали в состоянии полновластия. Оно ограничивалось лишь необходимостью согласовывать «сферы влияния» разных аристократических «партий». Теперь царь Иван принялся понемногу теснить их в «зоне компромисса», отвоевывая для себя отцовские и дедовские границы власти.

Что ж, ему предстояло крепко потолкаться...

⁵ Впрочем, не только из них, но также из старомосковских боярских родов и выезжей восточной знати. Об этом подробнее будет говориться в главе об А.Д. Басманове-Плещееве.

⁶ Участники Боярской думы – аристократического совета при особе государя, где обсуждались все важнейшие дела правления.

Но первая группа причин, подвигнувших царя на учреждение опричнины, еще никоим образом не объясняет радикализм опричной системы, ее экстравагантность и жесткость. В конце концов, великий князь Василий III совершенно так же должен был «толкаться» со своей аристократией, и конфликты бывали весьма серьезными. Например, видные представители служилой знати протестовали против его развода с Соломонией Сабуровой и второго брака. Но к столь масштабному явлению, как опричнина, эти столкновения никогда не приводили.

Что изменилось?

Во-первых, когда Иван IV из-за малых лет не мог быть полноценным правителем, сами княжата почувствовали вкус к управлению страной. Психологически их досада понятна: трудно «отпускать» высшую власть из рук, когда еще вчера ты владел ею в полной мере.

Во-вторых, служилая аристократия (те же княжата в первую очередь) незадолго до опричнины показала свою слабость; тогда же государь уверился в собственной силе. Это создало соблазн обойтись в самых важных делах правления без высших аристократических родов.

Речь идет о трех крупнейших событиях в военно-политической истории России того времени. Одно из них произошло в 1563 году, а два других – в 1564-м.

Все они связаны с Ливонской войной – главным воинским предприятием всего царствования.

В начале 1563 года огромная армия во главе с государем Иваном Васильевичем вошла в пределы Великого княжества Литовского и осадила Полоцк. Русская военная машина обеспечила столь значительное превосходство в силах, особенно в артиллерии, что судьба города была решена с самого начала. Попытки небольшого литовского корпуса помешать нашим войскам извне не имели ни малейшего успеха. Польско-литовский гарнизон также не мог сопротивляться слишком долго. Тяжелые осадные пушки, доставленные из Москвы, быстро сокрушали стены крепости. Их страшные удары наполняли осажденных отчаянием и лишали их решимости драться. Даже в русском лагере действие собственных орудий вызывало опасливое изумление: «Из наряду (пушек. – Д. В.) во многих вокруг города стены пробили и ворота выбили... и людей из наряду побили... от многого пушечного и пищального стреляния земля вздрагивала в царевых и великого князя полках, ведь у больших пушек ядра были по двадцать пудов, а у некоторых пушек немногим того полегче. Городная же стена ядер не удерживала, и они били в другую стену»⁷. Полоцк сдался 15 февраля 1563 года. Эта победа наполнила Ивана IV сознанием собственного триумфа. Если одиннадцать лет назад, при «Казанском взятии», он был молодым человеком, действиями которого руководили опытные воеводы, порой смевавшие подвергать его риску ради пользы дела, то сейчас государь сам контролировал все нити операции. Полоцк – величайшая победа Ивана Грозного на поле брани. Царю было чем гордиться: на его милость сдался богатый многолюдный город, центр древнего княжения, к тому же хорошо укрепленный и в первые дни даже не помышлявший о сдаче.

Итак, «Полоцкое взятие» показало Ивану Васильевичу, что он способен возглавлять большие армии и добиваться значительных успехов *самостоятельно*. В будущем ему предстояло еще не раз возглавлять русское наступление на западных рубежах. И порой царь добивался заметных успехов, хотя полоцкий триумф ему не суждено было повторить.

А тогда, в 1563-м, взятие Полоцка могла стать первым шагом для решительного наступления на Вильно – литовскую столицу. Но этого не произошло. Противник воспрянул духом. И следующий год принес на этом театре военных действий две большие неудачи.

Зимой, в самом начале 1564-го, наша армия, наступавшая в направлении на Оршу, потерпела страшное поражение. Русские полки понесли большие потери, часть командного состава

⁷ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 311.

оказалась в плену. Погиб главнокомандующий, знаменитый полководец того времени князь Петр Иванович Шуйский.

Этот провал поставил крест на крупных наступательных операциях против Литвы.

А три месяца спустя из Юрьева-Ливонского бежал воевода князь Андрей Михайлович Курбский. Служилая знать и раньше время от времени перебегала через литовский рубеж, уходя в стан неприятеля. Но по-настоящему крупные люди редко совершали успешные побег. Так вот, Курбский был как раз крупным человеком. Послужной список князя свидетельствует о том, что он никогда не был «фаворитом» в обиходе высших военачальников России; но все же на Ливонской войне ему доверяли командовать полками и даже, в единичных случаях, самостоятельными полевыми соединениями. Иными словами, Андрей Михайлович был в курсе положения дел на фронте, превосходно знал состояние русской армии, ее ресурсы, а также оперативные планы командования. Став перебежчиком, Курбский послал Ивану Васильевичу оскорбительное послание. Впоследствии он примет участие в боевых действиях против Московского государства.

Как после этого выглядели князья, эти сливки служилой аристократии? Очень непрезентабельно. Один полководец из ее среды провалил важную кампанию, но хотя бы погиб честно, не замавав своего имени трусостью или предательством. Второй видный ее представитель оказался предателем эталонным, вошедшим в анналы отечественной истории как иуда номер один. Остальные в течение года отражали натиск литовцев на западном направлении и не допустили прорыва к центральным областям России, даже Полоцк не дали отбить; но и переломить ситуацию в нашу пользу также не смогли.

Они показали, таким образом, свою слабость и ненадежность. А слабый и ненадежный «живой инструмент» хочется заменить на более сильный и менее рискованный в эксплуатации...

Явным признаком нарастающего кризиса стали казни княжат, произведенные по царскому приказу без суда и следствия. В 1564 году подобным образом лишились жизни князья М.Н. Репнин, Ю.И. Кашин и Д.Ф. Овчина⁸. Причины их смерти трактуются по-разному. Первый из них погиб то ли за строптивость (укорял царя за пляски со скоморохами), то ли по подозрению в измене; второй ушел из жизни явно в связи с «делом Репнина», но конкретная вина его неясна⁹. Наконец, последнему инкриминировали то, что он обвинял царя в содомском грехе с Федором Басмановым-Плещеевым.

В данном случае не настолько важно, почему были умерщвлены эти трое. Гораздо важнее сам факт их гибели, ни в малой мере не предваренный какой-либо судебной процедурой. Князя Д.Ф. Овчину задушили псарь. Репнина зарезали в церкви, а Кашина – на пороге храма. Судя по источникам, излагающим обстоятельства их гибели, никому из троих даже не объяснили, за что их лишают жизни. История гибели этих трех аристократов известна в пересказе князя Андрея Курбского, противника Ивана IV, к тому же писавшего через много лет после названных событий. Так что возможны и неосознанно совершенные рассказчиком неточности, и продуманные искажения. Так что многое под вопросом.

Государь был волен в жизни и смерти своих подданных. Но казнь высокородного аристократа для политической культуры русского Средневековья была из ряда вон выходящим событием. А тут даже не казнь, а просто расправа.

Служилая знать отреагировала очень болезненно. Ее представители принялись вразумлять царя, объявляя, что относиться к подданным как к скотине непозволительно. Митрополит Афанасий встал на сторону аристократов. Наша Церковь обладала правом «печаловаться»

⁸ Опады и казни обрушились в 1564 году и на других служилых аристократов, но эти три фигуры наиболее заметны, к тому же они претерпели страшную неожиданную смерть.

⁹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 174.

перед монархом за опальных, прежде всего за тех, кто должен был подвергнуться казни. И нередко печалование митрополита спасало жизни. Афанасий и здесь прибег этому праву, как видно, из человеколюбия. А может быть, из преданности Христовой заповеди любить ближнего.

Появление митрополита за спинами княжат весьма осложнило положение царя. Тем более что митрополит Афанасий на протяжении многих лет играл роль государева духовника. На митрополичью кафедру он поднялся по воле Ивана Васильевича, и вот теперь осыпал его укоризнами... Идти против Церкви означало затевать очень опасный конфликт. А идти против Афанасия было, наверное, просто очень тяжело чисто психологически.

Резюме: Иван IV оказался в затруднительном положении. С одной стороны, высшая знать – прежде всего княжата – перестала быть надежной опорой, да еще и показала собственную слабость на войне. С другой стороны, она ни в коей мере не лишилась прежних амбиций, имела колоссальные права, занимала все важнейшие должности в армии и административном аппарате. Совершить какое-либо государственное дело помимо нее, не используя ее кадровый ресурс, было в принципе невозможно. Наконец, отношения с нею обострились до предела, а путь бессудных расправ вызвал совершенно справедливое недовольство Церкви.

Тупик.

Иван Васильевич мог попытаться выйти из него с помощью политических маневров, мог пойти по маршруту постепенного реформирования армии, да и всей системы государственного управления, мог согласиться на временный компромисс, а затем расколоть строй оппозиции, обратив силу одних аристократических партий против других. Иначе говоря, у него хватало вариантов выхода из кризиса.

Но он выбрал самый причудливый и самый масштабный.

Собственно, не столько распутал гордиев узел, сколько разрубил его...

И выбор именно опричного ответа на политический вызов надо искать в особенностях умственного и душевного склада первого русского царя.

Государь Иван Васильевич – концентрированный одиночка. Человек, на которого роль одиночки сваливалась многое множество раз, желал он этого или не желал. Скорее всего, к моменту создания опричнины он уже привык к тому, что иначе в его жизни быть не может...

С восьми лет круглый сирота. Больше чем сирота! Любимцев отрока Ивана от него удаляли, родню его, князя Юрия Глинского, убили и с позором проволокли тело по улицам Москвы, а первая жена государева, Анастасия Захарьина (видимо, единственная нежно любимая царем из длинного списка монарших жен), ушла из жизни за несколько лет до опричнины. Царь подозревал, что супругу уморили его недоброжелатели.

С юных лет Иван Васильевич принужден был обходиться без поддержки близких людей. Окружали его персоны, видевшие в державном младенце только одну корысть: от его имени можно было управлять. Он выжил и удержался на троне, поскольку управлять от имени взрослого человека, зрелого мужчины, истинным хозяевам ситуации было бы затруднительнее. Или, еще проще, контроль над мальчиком удерживали наиболее сильные придворные «партии», а взрослых претендентов, например князя Владимира Андреевича Старицкого, поддерживали группировки послабее... В любом случае судьба младенца, мальчика, отрока, молодого человека, сына Василия III, зависела от раскладов политической борьбы при дворе. Его могли убрать с доски как лишнюю фигуру в любой момент.

Фактически младенец жил среди волков... Чуть ли не единственным человеком, бескорыстно помогавшим юному монарху, был митрополит Макарий – светило русского духовного просвещения. Но Макарий до опричнины не дожил. Он мог поддержать царя своим духовным примером, наставить его на благой путь, усовестить, в конце концов... лишь до декабря

1563 года, когда земной срок его исчерпался. Пока святитель был рядом с государем, никакой опричниной и не пахло. Кончина его как будто отняла у царя Ивана нравственную узду.

Но это – великий святой, духовный светоч не только для монарха, но и для всей страны. А крупные деятели двора до поры до времени даже не удосуживались проявлять почтение к высокому сану мальчика. Вот он с обидой вспоминает через много лет и всего за полгода до учреждения опричнины: «Князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на Церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившем в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но всё делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом...»¹⁰ Тут нечего добавить. Некоторые вещи забыть трудно. Они годами жгут сердце неутоленной обидой.

Само происхождение царя вызывало кривотолки. Отец Ивана IV, великий князь Василий, в первом браке не имел детей, а потому развелся. На протяжении первых нескольких лет, проведенных им с новой супругой – Еленой Глинской, московский правитель также оставался бездетен. В 1530 году у него появился сын-первенец, будущий царь. Тогда Василию было за пятьдесят... Придворная среда наполнилась неприятными слухами: староват государь для такого дела, по всему видно, кто-то помог его супруге разродиться. И даже называли, кто именно...

Знал ли сам Иван Васильевич о подобном к нему отношении? Надо полагать, знал. Такое не спрячешь.

Возникает естественный вопрос: кто, помимо митрополита Макария, мог рассеять холод вокруг одинокого юноши, рано лишившегося родителей, да и вообще близкой родни? Младший брат Юрий? Но он был слабоумен с младенчества.

Разве что жена Анастасия – недаром Иван Васильевич горевал по ней так, как не печалился он ни по кому другому из своих жен... Но женился он лишь в 1547 году, а вот без родителей остался еще в 1538-м¹¹.

Этот мальчик прошел ужасную школу жестокости, недоверия, корысти. Он наблюдал за окружающими его людьми и чем дальше, тем больше уверялся в одном: полагаться можно только на самого себя.

И вот в возрасте семнадцати лет на него обрушивается роль исключительная, пуще прежнего отдалявшая его от других людей. Первым из московских государей он принял царский титул. Очевидно, и здесь не обошлось без совета со стороны митрополита Макария.

Каков результат? Для русской цивилизации этот шаг исключительно важен. Символ царственности, начертанный на ее челе, оказывал влияние на все сколько-нибудь важные сферы

¹⁰ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 45.

¹¹ Тогда умерла его мать, Елена Глинская. А Василий III скончался еще в 1533 году.

русской жизни в течение нескольких столетий. Он и до сих пор не утратил своей силы окончательно.

А вот лично для Ивана IV принятие царского титула оказалось страшным бременем, принятым в неблагоприятных условиях. Формально им была возобновлена традиция, столетием раньше павшая в Византии. Формально русский царь мог претендовать на положение главы светской власти, первенствующего не только в России, но и во всем православном мире. Формально молодой человек вознесся на недостижимую высоту над своими подданными.

Формально.

А в реальности решение важнейших государственных дел продолжало зависеть от воли аристократических группировок.

Разрыв между идеалом православного царства и повседневной политической практикой, как видно, оказал на него сильнейшее психологическое воздействие. Концентрированный одиночка из своей царственной выси воспринимал действия собственной знати как несправедливое, недолжное поведение. И с годами, надо полагать, ощущение глубокой неправильности происходящего накапливалось, требуя дать радикальный ответ. Пока дела государства, ведомого «партиями» знати, шли хорошо (так и было по большей части до 1564 года), в глазах царя горделивое пребывание аристократов у кормила правления было хотя бы отчасти оправдано. Оправдано той же политической практикой, приносившей державе успехи. Но неудачи знати, слабость ее и склонность к предательству разом обострили тяжелые чувства монарха, зрелые на протяжении десятилетий.

Произошел психологический взрыв. Вводя в действие столь радикальный «проект», как опричнина, государь Иван Васильевич пытался исправить не только настоящее, но и прошлое. Всё то прошлое, которое давно и страшно угнетало его ум. *Теперь действительность следовало разом отредактировать до полного соответствия великому идеалу православного самодержавного государя.* Поэтому и «средство исправления» было избрано им столь сильное... *слишком сильное.*

Действия державного властителя в середине 1560-х иногда заставляют предположить, что *он жаждал сделать прежде-бывшее не бывшим.*

Роль нажатого спускового крючка могло сыграть послание князя Курбского, доставленное царю. Знатный перебежчик упрекал царя: как же так! Советники твои, «сильные во Израиле», были так хороши, столь велики их заслуги перед тобой, а ты их взялся истреблять? «Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать пред неподкупным судьей – надеждой христианской, богочеловеком Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их»¹².

Разъяренный царь впервые проявляет большой артистизм натуры, отвечая на письмо беглого воеводы. И в дальнейшем эта артистическая нотка будет звучать в посланиях государя и – еще больше! – в его действиях. Иван Васильевич как будто желает не только утвердить истину, но еще и сам процесс ее утверждения превратить в какую-то мистерию, – в торжественное действие, то мрачное и ужасающее, то наполненное простонародной бранью и скоморошеством, а то вдруг взлетающее к высотам евангельских истин. Он то играет, давая себе первую роль в «постановке», то берется за ремесло режиссера, добываясь от актеров беспрекословного следования монаршему замыслу. Быть может, царь слишком мало чувствовал себя – первое лицо державы! – в центре внимания, и теперь он любой ценой добивается того, чтобы внимание «публики» фокусировалось именно на нем.

Опровергая Курбского, Иван Васильевич вещает: «Разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев?.. В том

¹² Первое послание Курбского Ивану Грозному // Памятники литературы Древней Руси. С. 17.

ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе – злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов все равно умрешь. Если же ты боялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел...» И далее, царь Иван бьет Курбского новозаветной цитатой, идущей как будто из самых глубин души монарха, открывающей язвы, давно терзающие его ум: «Почему же ты презрел слова апостола Павла, который сказал: „Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, – противится Божьему повелению“. Посмотри на это и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это худшее из согрешений»¹³.

Вот откуда эта ярость! Более полутора десятилетий Иван Васильевич – царь, а власти его противились и противятся. По правде говоря, первые годы царствования у монарха и власти-то настоящей не было: Ивану Васильевичу просто не давали ее. Соответственно, теперь он ничего, помимо отступничества, не видит в любом сопротивлении своей воле. А потому готов ломать какое угодно противодействие какой угодно ценой. Безвластные годы оставили в царской душе отпечаток великой досады, стыда и позора.

Ныне исправление и месть сливаются для него воедино.

Ныне гнев одолевает его.

Ныне он хочет бить изо всех сил, а потому стремится убрать из-под рук всё то, что препятствует ударам.

Ныне у него появляются советники и союзники, готовые поддержать, а то и преподнести проект опричнины...¹⁴

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года. Предыстория указа о ее учреждении такова: в декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился в поход к Троице, но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды на богомолье в монашеские обители. Царь прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох, сообщив, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании «передать русское государство чужеземному господству»; поэтому он расстается с положением правителя. После этого Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем основательно собирался в дорогу. Царский поезд нагружен был казной, драгоценностями, множеством икон и, возможно, иных святынь¹⁵. Расставаясь с высшим духовенством и «думными» людьми, государь благословил их всех. Вместе с Иваном Васильевичем уезжала его жена княгиня Мария Темрюковна Черкасская и два сына. Избранные самим царем приказные, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его¹⁶. В их числе: Алексей Данилович Басманов, Михаил Львович Салтыков, Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь отправил назад, видимо не вполне уверенный в их преданности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию и «чинам», где сообщал, что «...передает... свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его». До сих пор все шло как великолепная театральная постановка.

¹³ Там же. С. 25, 27.

¹⁴ Подробнее см. в главе, посвященной А.Д. Басманову-Плещееву.

¹⁵ В летописи сказано, что Иван Васильевич забрал с собой «святость». Видимо, имеются в виду частицы мощей и риз святых из московских церквей.

¹⁶ Государь велел служилым людям забрать с собой и их семьи!

По всей видимости, Иван Васильевич ожидал быстрой реакции публики, то есть митрополита и «думных» людей. Играл он до сих пор великолепно, но его не остановили ни в Москве, ни по дороге к Троице. Ему требовалось навязать верхам общества жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи «малой кровью». А митрополит с «чинами» между тем не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились *свои* планы. Тогда государь, миновав Троицу, добирается до Александровской слободы и там затевает новый спектакль.

В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым (позднее – видным опричным воеводой) новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, а главную свою работу – военную службу – перестал должным образом исполнять. «Бояре и воеводы... от службы учали удалятися и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели» – здесь, очевидно, речь идет о разгроме армии Шуйского и о пассивных действиях прочих воевод на литовско-ливонском фронте. А когда государь изъявил желание «понаказати» виновных, «...архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати». Не видя выхода из этой ситуации, государь «...оставил свое государство и поехал, где веселится, иде же его, государя, Бог наставит». Столичный посад получил от государя письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, «...гневу... и опалы некоторые нет». Это была откровенная угроза Церкви и служилой аристократии взбунтовать против них посад, повторив ужасный мятеж 1547 года. Видимо, угроза оказалась действенной (к тому же посад проявил активность – «биша челом» митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство). В итоге из Москвы в Александровскую слободу поехала огромная «делегация», состоящая из архиереев, «думных» людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия – архиепископ Новгородский и Псковский Пимен, Чудовский архимандрит Левкий, а также виднейшие аристократы – князья Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский¹⁷. После долгих уговоров и «молений... со слезами о все народе христианском» делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами, «...как ему государю годно», невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать их имущество. Иными словами, он добился того, чего и желал: получил карт-бланш на любые действия от Церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням; ему достался также карт-бланш от служилой аристократии, до сих пор сохранявшей значительную независимость по отношению к государевой воле¹⁸. Весь этот политический театр одного актера того стоил!

До наших дней не дошло самого указа о введении опричнины. Однако летопись приводит подробный пересказ его содержания. Для верного понимания того, что именно и с какими целями вводилось по воле государя Ивана Васильевича, следует прежде всего ознакомиться с этим документом.

«Челобитье... государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были

¹⁷ Приятно осознавать, что митрополит Афанасий сохранил лицо, не пожелав лично участвовать в этом балагане.

¹⁸ Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 341–344; Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 391–393. Отчасти подтверждается и другими источниками. Впрочем, Шлихтинг сообщает, что перед отъездом из Москвы Иван IV не поднимал в беседах с церковными иерархами и аристократией вопроса о ненависти и измене, но, напротив, высказал желание удалиться от власти из-за пресыщения ею и ради монашеской жизни.

непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати¹⁹; а учинити ему на своем государстве себе опришнину, а двор ему себе и на весь свои обиход учинити особой, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и стольников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно²⁰. И на дворцах на сытном и на Кормовом и на Хлебном учинити клюшников и подклюдников и сыт-ников и поваров и хлебенников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякой обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих, царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, го-роды и волости: город Можаяск, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею, и с Коряковым, и з Белгородьем, город Вологду, город Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладощской, Тотьму, Прибужь. И иные волости государь поимал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати. А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городских 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах с одново, которые города поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особ-но. На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святого, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; та-коже и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы. А слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лышиковской. И которые улицы и слободы поимал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поимал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад. Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстисловскому и всем бояром; а конюшому и дворетцкому и казначеем и дьяком и всем приказным людям велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делах приходить к бояром. А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делах приходить ко государю, и государь приговор яз бояры, тем делом управу велит чинити. За подъем же свои приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублей; а которые бояры и воеводы и приказные люди дошли за государь-

¹⁹ Животы и статки – имущество.

²⁰ Бояре, окольничие, стольники, жильцы, стряпчие – служебные и думные чины.

ские великие измены до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя»²¹.

Прежде всего: о казнях изменников тут сказано совсем немного. Ни о каких массовых репрессиях речь не идет. Да, царь получает полную волю в определении того, кто должен пойти на плаху, кто изменник, и даже Церковь теряет право «печалования». Но этим правом на протяжении первых лет опричнины монарх пользуется нечасто. Нет никаких «волн казней». Даже после введения опричнины, когда, казалось бы, для Ивана IV наступило удобное время, чтобы расправиться с политическими противниками, он отправляет на смерть лишь пятерых аристократов: князя А.Б. Горбатого с сыном его Петром, окольного П.П. Головина, князя И.И. Сухого Кашина, князя Д.А. Шевырева²². Многие лишились вотчин, отправились в ссылку, некоторых насильно постригли в монахи. Но все эти действия, даже взятые в совокупности, еще никак не свидетельствуют о том, что опричнине планировалось придать характер «машины репрессий», карательного аппарата.

Что приобретает царь, помимо свободы казнить тех, кого сочтет изменниками?

Прежде всего, он отделяет то, что подчиняется непосредственно ему – во всем и без какого бы то ни было исключения, – от того, что подчиняется «Московскому государству» во главе с боярами, которые обязаны по важнейшим вопросам советоваться с государем, но в прочих случаях «ведают и делают» земские дела.

Фактически в составе России появляется государев удел, царский домен, полностью выведенный из-под контроля высших родов служилой знати. Прежде всего, из-под контроля княжат. На территории этого удела царь перестает опираться, как на «живой инструмент», на высшую аристократию, которая прежде, по необходимости, присутствовала везде и во всем. Монарх получает, таким образом, самостоятельный военно-политический ресурс, коим может управлять прямо, без посредников.

Здесь у него будет собственная служилая корпорация, которую царь наберет сам, с помощью немногих доверенных лиц, никак не принимая в расчет интересы княжат. Здесь у него будет собственная Дума, чья компетенция распространится на земли удела, а с годами расширится и захватит львиную долю важнейших «земских», то есть общегосударственных, дел. Здесь у него будет собственная армия; основой вооруженных сил опричнины станет новый «офицерский корпус» из 1000 голов, также отобранных без учета интересов высшей аристократии. Здесь у него сконцентрируются запасы, предназначенные для расхода на опричных служилых людей. И всё это станет управляться из особой резиденции («двора») вне Кремля.

В дополнение к прочему, Иван Васильевич берет из общегосударственной казны «на подъем» колоссальную сумму – 100 000 рублей. По тем временам большой каменный храм строился на 1000 рублей...

Резюмируя, самое главное: царь обретает полностью подконтрольную и в материальном смысле превосходно обеспеченную воинскую силу. Он может использовать ее для перелома в военных действиях на литовско-ливонском фронте, а может просто защититься ею от «внутреннего врага».

Стоит подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: до 1567 года в опричной армии и в опричных органах управления не появится ни единого представителя знатнейших родов княжат. Титулованная знать была представлена в опричнине с первых месяцев ее существования. Но! Лишь второстепенными и третьестепенными семействами.

В 1567 году там оказался... один. Князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. Но его возвышение происходило медленно и трудно. Ему пришлось крепко постараться, завоевывая

²¹ Продолжение Александров-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 344–345.

²² Там же. С. 345.

доверие государя²³. Да и с появлением Темкина в высших ярусах опричнины социальное лицо ее ничуть не изменилось. На протяжении долгого времени он представлял собой исключение из общего правила.

А правило гласило: *высокородным «княжатам» на верхи опричнины путь заказан. В опричную Думу и в воеводский корпус опричных вооруженных сил их не брали. Туда рекрутировались представители старинных московских боярских родов, небольшое количество худородных выдвиженцев и несколько семейств из среды второстепенной титулованной знати.*

Этот порядок сохранялся весьма долго: от основания опричнины до первых месяцев 1570 года. Впоследствии он был нарушен. О причинах его падения речь пойдет ниже. Но до того – целых пять лет! – опричнина в принципе обходилась без княжат «первого ранга».

Выходит, царь постарался обойтись без услуг самой богатой и самой влиятельной социальной группы в России. Подрубить ее права на занятие ключевых государственных и военных должностей, опираясь на другие социальные слои. Это как минимум давало ему союзников, готовых помочь в «перетягивании каната» со сливками княжат. Ведь успех опричнины обеспечивал им все шансы на служебное возвышение!

Таким образом, великому множеству нетитулованных аристократов и дворян родом попроще опричнина вовсе не кажется каким-нибудь мрачным мистическим монстром с застенками в каждом подвале. Отнюдь! Она представляется новой служилой иерархией с многообещающими «правилами игры».

Разбираясь в механизме работы опричнины, следует с полной ясностью понимать: многие смотрели на нее как на «поле чудес».

Во всяком случае, так было сначала...

И если взглянуть на опричнину как на проект масштабной военно-политической реформы, то *сначала* он выглядел разумной системой мер, в основу которой положена логика политической борьбы. Вот только претворение опричного проекта в жизнь вызвало мощнейший кризис. Перед лицом его все проблемы 1564 года кажутся сущей мелочью.

Важно не только *что* делает высшая власть, но и *как* она это делает.

Сначала всё получалось...

Государь Иван Васильевич активно занялся устройством опричнины.

Для постройки Опричного дворца (или, иначе, Опричного двора) – главной политической резиденции государева «удела» – было снесено множество зданий на Неглинной, напротив Кремля. Московский Опричный дворец располагался в том месте, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; точно определил его положение дореволюционный историк И.Е. Забелин²⁴. Все пространство²⁵, отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня и еще на две сажени – из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи («особый лагерь», по Шлихтингу, изложенному в не очень точном переводе). Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль «парадных». По свидетельству Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них

²³ Подробнее см. в главе, посвященной кн. В.И. Темкину-Ростовскому.

²⁴ Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича // История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 345–354. В Костровском летописце, опубликованном М.Н. Тихомировым, сообщается также, что Опричный дворец строился на месте двора кн. М.Т. Черкасского (Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. М., 1940. Т. 10. С. 89).

²⁵ Квадратное в плане.

были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный «в сторону земщины». На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни; «над погребями были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы...». Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «на локоть в вышину». Даже церковь поставили на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, «...подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды...»²⁶.

Московский Опричный дворец погиб в 1571 году, когда крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву. Но помимо него в разное время строились иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы Опричный дворец стали строить, по всей видимости, одновременно или вскоре после московского²⁷. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В Московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть опричных сооружений XVI века сохранилась до наших дней.

Через несколько месяцев после утверждения опричнины был произведен первый набор служилых людей в опричную армию и государев двор. А осенью 1568 года опричные боевые отряды впервые появились на поле боя – под Болховом. Их двинули вместе с земской армией против крымского хана.

Историки XX столетия, со времен Сергея Федоровича Платонова, много писали о земельной политике опричнины и даже искали в ней разгадку сути той диковинной политической конструкции, которую создал Иван IV. Но замечали в основном ее отрицательный аспект. Характерные выражения, присущие многим историческим исследованиям этого периода: «перераспределение земель в годы опричнины было направлено против...» или «опричная аграрная стратегия ориентирована на подрыв...».

Действительно, огромные земельные владения были реквизированы по велению Ивана Васильевича во второй половине 1560-х годов, а в 1570-х эта политика знала «рецидивы». И спору нет, при этом ощутимые потери понесли крупные вотчинники, относящиеся к видным княжеским родам.

Но у опричных преобразований, связанных с земельной собственностью, основным был, думается, все-таки позитивный аспект. Иными словами, прежде всего *для какой цели* реквизировались земельные владения у прежних хозяев, а не *против кого* направлены все эти меры. Между тем сокращенная версия указа об учреждении опричнины, помещенная в официальной летописи, дает ясное представление о том, каковы приоритеты опричной политики в этом направлении: «...а учините государю у себя в опришнине князеи и дворян, и детей боярских дворовых, и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городех с одново, которые города поимал. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учи-

²⁶ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 66–69.

²⁷ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 89; Корецкий В.И. К истории неофициального летописания времени опричнины // История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 14–21.

ните себе особно»²⁸. Иными словами, первейшая и главная цель опричной аграрной политики состоит в обеспечении служилых людей опричного корпуса поместьями. Очевидно, речь идет о том, чтобы дать опричной братии лучшие земельные владения в Московском государстве. Никакая социальная группа не выдвинута на роль «донора». Та же княжеская аристократия нигде не названа как приоритетный объект реквизиций. А монография В.Б. Кобрин «Власть и собственность в средневековой России» показала, что политика отчуждения поместий и вотчин не имела специальной антикняжеской направленности и не привела к подрыву княжеского землевладения в России²⁹. Землю, таким образом, забирали там, где ее удобно было забрать. Важно было наилучшим образом обеспечить новорожденное опричное войско, а не обидеть или разорить кого-то при этом.

Р.Г. Скрынников писал о массовой казанской ссылке тех, кто потерял в опричном секторе свои вотчины и поместья. В частности, отмечал обилие аристократов, служивших по княжеским спискам, указывал на значительное количество крупнейших и самых родовитых представителей знати, связанной с Владимиро-Суздальской землей. Но, во-первых, помимо богатейших аристократов высланы были совершенно незаметные. Зачем? К чему по ним-то «наносить удар»? И во-вторых, казанских ссыльных довольно быстро вернули на территорию коренных русских уездов. Если бы надо было им «нанести удар» – так сгноили бы их на казанских землях. Нет, по всей видимости, государь все-таки нуждался в их военно-административных услугах и не собирался сводить под корень старинные рода. Впоследствии многие из них при жизни Ивана Васильевича получили назад свои владения и обрели новые, взамен прежних. Дело здесь, вероятно, не в каких-то особенных, требующих насильственного разрыва связей старых княжеских семейств с землями, на которых они жили, или «связях с местными обществами», как писал С.Ф. Платонов. Просто прежних землевладельцев надо было убрать с тех мест, где должны были устроиться опричники. Чтобы не мешали обустройству новых помещиков, чтобы, не дай бог, не делали попыток оказать сопротивление. Их и убрали под Казань – от греха подальше. По большей части произошло следующее: в 1565 году людей выслали на окраину страны, а уже в 1566 году их вернули обратно в центр.

О многом говорит географическое расположение опричных владений. В соответствии с указом о введении опричнины ее территорией стали земли на Русском Севере, в том числе Беломорское побережье, Подвинье, Важская земля, а также огромная область в треугольнике, вершинами которого стали Соль Вычегодская, Каргополь и Вологда; значительные территории в самом центре Московского государства – Вязьма, Можайск, Козельск, Перемышль (частично), Белёв, Лихвин, Ярославль, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьевец-Повольский, Балахна, Старая Русса, огромные анклавы под Москвой, в районе Кашина и Клина; обширная часть самой столицы. Позднее, по сообщению немцев-опричников Таубе и Крузе, Ростов и Белоозеро были присоединены к опричному «уделу» государя. Не так давно были найдены записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания. Там содержалась информация, согласно которой в январе 1569 года Ростов и Ярославль были взяты в опричину³⁰. Видимо, присоединение Белоозера произошло тогда же. Известно, что в состав опричных владений попали также Кострома, Пошехонье, Переславль-Залесский, Старица, Бежецкий Верх, восточное Приладжье и все Прионежье³¹. На закате опричнины туда взяли часть Новгорода Великого.

²⁸ Продолжение Александров-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 344.

²⁹ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 142–160.

³⁰ Анхимюк Ю.В. Записки летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 128.

³¹ Реквизиции земель, а также выселение старых помещиков и вотчинников происходили в опричных областях не сплошным «ковром», а частично, чересполосно.

Если нарисовать карту опричного «удела», то прежде всего придется полностью заштриховать почти все северные области страны. Затем окажется заштрихованной вся северная часть старинного Владимиро-Суздальского княжества, каким оно было в XIII столетии. Если все остальное представить себе в виде мишени, а Москву поместить в «яблочке», то набор опричных анклавов будет напоминать след от выстрела крупной дробью в самый центр мишени.

С северными землями все более или менее понятно. Естественно стремление Ивана Васильевича пользоваться доходами от таможенных пошлин, промыслов, а также контролировать важный торговый маршрут из Европы в Россию вокруг Скандинавского полуострова – он был в середине 50-х годов XVI столетия открыт для европейского мореплавания экспедицией англичан Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора. Север был для опричнины неиссякающей денежной бочкой. Испомищать кого-то на землях слабо освоенных, со сравнительно неразвитым землевладением, вряд ли было целью включения северных областей в состав опричной территории.

Когда-то автор этих строк допустил легкомысленное утверждение, что в опричину были взяты «стратегически важные» земли, то есть города, составляющие узловые пункты обороны страны и опорные базы для наступления в Ливонии. Имелись в виду Вязьма, Вышгород, Старая Русса. Это ошибка. Напротив, 99 % приграничной территории, то есть тех же «стратегически важных» земель, попало в земщину. Ивана Васильевича слабо интересовала Рязанщина, регулярно разоряемая татарами; не нужны ему были Псков с пригородами, Смоленск, Рославль, Стародуб и Чернигов, составлявшие ожерелье оборонительных твердынь нашего западного рубежа. Государь не проявил интереса к огромной области, лежащей южнее Одоева и Белёва. Области, в наибольшей степени подверженной угрозе крымских набегов. Ему не понадобилась северо-западная, западная и южная Новгородчина, бедная хлебом, зато максимально близкая к шведско-литовскому фронту. Парадоксально, но факт: опричина должна была защитить государя и страну, а земщина защищала... опричину. Фактически земские территории представляли собой «доспехи», надетые на тело опричнины.

Другое дело – центр, козельские, тверские и ростово-суздальские земли. Они отличались плодородием, издревле осваивались, были густо заселены и представляли собой золотой фонд русской пашни. Кроме того, перечисленные области расположены относительно недалеко от главных опричных резиденций Ивана Васильевича – Александровской слободы и Московского дворца. А значит, по идее у командования появилась возможность быстро собирать опричную армию в кулак.

Фактически речь идет о полномасштабном выполнении реформы, задуманной намного раньше, то есть испомещении в центральных, наиболее близких к Москве и наиболее освоенных областях, «избранной тысячи». Что касается действительных, иными словами, документально подтвержденных фактов получения опричным «офицерским корпусом» значительных поместий на реквизированных землях, то их известно немало, и ни у кого они не вызывают сомнений. Испомищались даже иностранцы-опричники, подтверждением чего служит сообщение немца-опричника Генриха Штадена о пожаловании ему поместий под Москвой и в районе Старицы. После того как опричное войско и опричную администрацию упразднили, была совершена земельная «рокировка»: те, кто еще мог претендовать на возврат земельных владений, отобранных в первые годы опричнины, частично получили их назад.

Опричина явно не была нацелена на создание «дружины» царских «телохранителей». Для решения этих задач вполне хватало нескольких сотен бойцов, охранявших царскую семью в Опричном дворце. Не будь опричнины, с подобными задачами справились бы один-два стрельцких приказа, состоявшие из служилых людей «по прибору»³² с незначительным количе-

³² Так называли в Московском государстве воротников, затыльников, стрельцов, служилых казаков, иных воинских людей, стоявших ступенью ниже дворян – «служилых людей по отечеству».

ством дворян на офицерских должностях. На худой конец, такого рода гвардией могла бы стать команда наемников. При дворах европейских монархов нередко караул несла стража, набранная из иностранцев, например шотландцев и швейцарцев. По крайней мере, в последние годы жизни Иван IV сделал то же самое: в его распоряжении был отряд из 1200 иностранных солдат, в том числе тех же шотландцев с Джимми Лингетом во главе³³. Упоминаются служилые «немцы» и в русских разрядах 1570-х годов. Таким образом, цели опричнины были явно шире, чем сбережение царя от заговоров и покушений. Прежде всего, речь шла о создании особой армии – наилучшим образом укомплектованной, вооруженной, легко управляемой, с командными кадрами, всецело преданными царю. А значит, обеспечение столь значительного количества служилых людей должно было потребовать масштабных перемен в землевладении. Именно это происходило в массовом порядке: вотчины и поместья стремительно меняли хозяев.

Помимо богатых земель и новых возможностей для карьеры, опричники получили обширные судебные привилегии.

Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший на русской территории в 1588–1589 годах, сообщает: «...разделил он (Иван IV. – Д. В.) своих подданных на две части, или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными, или отборными, людьми. К ним принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защитить и охранять их как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими, или общими. К земским относятся простой люд и те дворяне, которых царь думал истребить как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, *богатством*, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если бы кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю»³⁴. Допустим, Флетчер писал это через два с лишним десятилетия после того, как была учреждена опричина, к тому же писал в виде политического памфлета, недоброжелательного по отношению России. Он мог и ошибаться, и пускаться в публицистические передергивания. Допустим, никакие источники по истории опричнины не позволяют предположить, что она когда-либо предназначалась для полного истребления земских дворян. Но свидетельство Флетчера о судебной «неуязвимости» опричников перед земскими людьми находит подтверждение у другого автора.

Уже упоминавшийся Генрих Штаден оставил «мемуары» о своей службе в опричнине. Это источник совершенно независимый от Флетчера. От первых лет опричного режима Штаден сохранил знаменитую фразу Ивана IV, отправленную в органы судопроизводства: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!»³⁵ Это отражает обстановку, действительно сложившуюся во второй половине 1560-х годов. По сравнению с земскими опричники имели огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах.

Итак, в 1565 – начале 1566 года царь мог торжествовать победу. Он получил под свой контроль мощный военно-политический ресурс, абсолютно независимый от княжат. Монарх обеспечил этот ресурс материально и дал ему юридическую неприкосновенность. Он вырастил небольшую армию, которая в перспективе должна была увеличиться в размерах. В 1565 году опричина могла выставить в поле лишь два небольших отряда. В 1567–1568 годах опричный

³³ Горсей Джс. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 70.

³⁴ Флетчер Джс. О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 1991. С. 48. Курсив мой. – Д. В.

³⁵ Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 44.

полевой корпус состоял уже из трех полков. А весной – летом 1569 года он вырос до пяти полков.

Но два обстоятельства сильно сокращали почву для оптимизма.

Во-первых, опричная армия так и не смогла переломить ситуацию на литовско-ливонском фронте. Осенний поход 1567 года, в котором участвовал цвет опричной вооруженной силы, был свернут: царь опасался измены (ниже об этом будет сказано подробнее). Осада Ревеля общими силами земщины и опричнины (1570–1571) закончилась неудачно. Оборона Москвы от крымских татар в мае 1571 года и вовсе завершилась военной катастрофой. Собственно опричный отряд самостоятельно, без поддержки земских сил, нанес поражение неприятелю только один раз: в 1570 году воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин разбил татар у Зарайска. Важный успех, но плоды его были полностью утрачены в следующем году, когда крымцы спалили русскую столицу. Иными словами, военная сторона опричной реформы, по сути важнейшая, не обеспечила решение стратегических задач. Государь Иван Васильевич жаждал победить в Ливонской войне – главном военном противостоянии его жизни. И опричина ему в этом не помогла. Такова одна из главных причин разочарования царя в своем детище... Но пока до разочарования оставались еще годы: опричная военная машина разворачивалась медленно, к серьезным боевым операциям она сможет приступить лишь ко второй половине 1567 года.

Во-вторых, утверждение опричнины вызвало напряженность в русском обществе. Ее острота постепенно нарастала.

Разумеется, высшая титулованная аристократия остро почувствовала утрату важных позиций. Казнили нескольких людей из ее среды – так могут казнить и большее количество. Это вызывало страх и гнев. А появление «конкурирующей» служилой иерархии создавало плацдарм для нового наступления на права и привилегии княжат.

Но в этом еще нет великой беды. Ведь, как уже говорилось, государи московские и служилая знать давно «толкались», определяя, кому и сколько власти принадлежит на данный момент. Иван IV резко потянул одеяло на себя. Однако он не собирался уничтожить княжат и даже не стал отбирать власть у главнейших аристократических родов, позволив им распоряжаться в земщине. Иными словами, царь потеснил, но не раздавил княжат, да и вряд ли планировал «очистить» административное поле от лучших управленцев, какими тогда располагала Россия.

Гораздо хуже другое. Земельная политика опричнины разорила многих служилых людей, сделала их бедняками, оторвала от родовых корней, связанных с вотчинами, и забросила на край земли – в казанскую ссылку. Недавно завоеванная Казанская земля еще пылала бунтами, откуда же там было сыскать пахотную силу для той скудной земли, которой наделили ссыльных? По сравнению с прошлым житьем они воспринимали новое как сущее бедствие. А судебные привилегии опричников выглядели как попрание справедливости. Эти два инструмента опричной реформы задели интересы очень многих. Недовольство нескольких десятков знатных и богатых семейств опасно. Но недовольство тысяч служилых людей опаснее во сто крат! Ведь каждый из них – профессиональный воин. Каждый вооружен. Многие способны вывести в поле «боевых холопов». Это – сила. И не дай бог всерьез задеть ее.

Митрополит Афанасий не мог быть доволен тем, что у Церкви отняли право «печалования». Он не одобрял опричнину и в 1566 году оставил митрополичью кафедру своей волей, без совета с царем. Не найдя в себе сил открыто сопротивляться опричным порядкам, скорбя, может быть, из-за того, что утрачена возможность смягчать царское жестокосердие, а может быть, из-за того, что сын его духовный вышел из повиновения, Афанасий не пожелал далее нести на своих плечах бремя тяжелой ответственности. Он ушел. «Положил посох», как тогда говорили.

«Штормовое предупреждение»

Летом 1566 года государь Иван Васильевич созвал Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны. Царь желал продолжить ее и довести до победного конца. Собор не стал ему перечить, собор вообще прошел как идеально отрепетированный спектакль...

Война длилась уже много лет, стоила дорого и в финансовом, и в человеческом смысле, высшей служилой аристократии она не была нужна. Но дворянство рассчитывало получить поместья на богатых, хорошо освоенных землях Прибалтики, да и государь ждал приращения новых территорий. В сущности, несмотря на поражение 1564 года, враг не сумел добиться решающего перевеса. Полоцк, Нарва, Юрьев-Ливонский, многие другие города и крепости оставались под контролем наших войск. Дальнейшая борьба могла обернуться как угодно.

Из наших дней события 1566 года видятся через призму страшного поражения, постигшего Московское государство в конце 1570-х – начале 1580-х годов. Разгром за разгромом, падение Полоцка, Великих Лук... и чудесная стойкость Пскова, чудом спасшая Россию от полного военного краха. Кажется: остановись государь раньше, когда в его распоряжении еще была несокрушимая вооруженная мощь, когда держава еще не успела истощить экономический ресурс, когда великие твердыни еще оставались в наших руках, – какое благо принес бы он своему народу! Но всё это – из области альтернативной истории. Если бы да кабы, росли бы во рту бобы, так был бы это не рот, а был бы огород. Увидеть из 1566-го страшный закат войны за Ливонию не мог никто из русских политиков, и царь в том числе...

Итак, собор пошел навстречу воле государевой: будем сражаться!

Вот только ход собора омрачили два неудобных обстоятельства. Во-первых, отсутствовал митрополит, который оставил кафедру, сославшись на немощь. Пустующее митрополичье место немо свидетельствовало: нет мира между царем и Церковью. Во-вторых, при завершении собора три сотни дворян приступили к монарху с просьбой отменить опричнину. Их коллективная челобитная гласила: «Не достоин сему быти».

Как чувствовал себя тогда Иван Васильевич? Он добился всего, чего хотел *внутри страны*. Русский мир подтвердил согласие с волей царя. Оставалось нанести удар внешнему неприятелю, да и разгрызть крепкий ливонский орех. А тут – такая неожиданность! Массовое выступление – нет, не посадских людей, которые буйством своим привели его в ужас два десятилетия назад, в 1547-м, – а самих дворян, кои составляли основу военной силы нашей. Это всё профессионалы войны. Всё вооруженные воины. И если они не пошли на заговор и мятеж, так это большое везение... Надо полагать, земля дрогнула перед глазами Ивана Васильевича. Царь-актер наилучшим образом «отыграл» Земский собор, добился вроде бы успеха... Публика рукоплещет? Всё шло превосходно, как вдруг... самая сильная и опасная часть этой самой публики заявила, что ей не по нраву суть игры.

О событиях тех дней известно крайне мало. Зачинщиков тогда арестовали.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь В.Ф. Рыбин-Пронский, И.М. Карамышев и К.С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Неоспорима казнь всего нескольких лидеров оппозиции. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведаль палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Возможно, последствия для них были бы гораздо более тяжкими, но надо полагать, от горших бед челобитчиков спасло появление в Москве митрополичьего преемника. Им стал Филипп³⁶, игумен Соловецкой обители. Считанные недели отделяют его восхождение на митро-

³⁶ В миру – Федор Степанович Колычев, отпрыск старинного боярского рода.

поличью степень от выступления противников опричнины на соборе. Филипп, один из величайших русских святых, прошел долгую монашескую школу в краях суровых и скудных всем, кроме разве только иноческого благочестия. Он никогда не жаловал опричнину и при восшествии на митрополичью кафедру резко высказался против нее. Игумен соловецкий потребовал от царя «...чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополя оставити; и соединил бы воедино, как прежде того было. И царю и великому князю со архиепископы и епископы в том было слово, и архиепископы и епископы царю и великому князю били челом о его царском гневу. И царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царской домовой обиход не вступался, а на митрополя бы ставился. А по поставление бы, что царь и великий князь опришнины не отставил и в домовой ему царской обиход вступатися не велел, и за то бы игумен Филипп митрополи не отставливал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и с дедом его великим князем Иваном»³⁷.

Это значит: царь гневался, но вынужден был пойти на уступки. Филипп стал митрополитом, обещал не заниматься опричными делами и монаршим домашним обиходом. Но взамен он получил от государя обещание «советовать... как прежние митрополиты советовали». Иначе говоря, глава Русской церкви опять мог входить к монарху с «печалованием» об опальных, с советом простить их и помиловать. И на первый раз, думается, он посоветовал отнестись к челобитчикам с мягкостью. Тем не менее их вожди все-таки лишились жизни. Остальные же, всего вероятнее, обязаны ее сохранением отважному митрополиту.

Итак, над опричниною грянул первый гром.

Какое уж тут наступление в Ливонии, когда Москва превратилась в зыбкую почву...

Ежегодно в русской столице составлялись списки воевод, отправляемых для службы в полки, гарнизоны и на строительство крепостей. Осенью 1565 года возник первый подобный список военачальников из опричнины. А после того на протяжении двух лет – никаких известий о боевой работе опричных командиров. Ни звука, ни знака. Очевидно, все они требовались в столице – во избежание, так сказать. Особенно после тревожного лета 1566-го.

Однако до поры до времени большой террор не начинался.

Он вообще длился недолго, весь уместившись в период с рубежа 1567–1568 годов до весны 1571 года. Около трех лет. Но размах его превысил всякое вероятие.

Когда наступит час темный и полетят головы во множестве с плахи, вся жизнь России круто переменится. Позднее современник главных событий грозненской эпохи напишет: «... всю державу своея, яко секирою, наполы некако разсече. Сим смяте люди вся...»³⁸ Так вот, занавес над краткой и жуткой эрой репрессий поднимется в тот момент, когда царь совершенно уверится в успокоении общества.

Он и не чаял новой угрозы. Недовольство, допустим, присутствовало – интересы слишком многих людей задела опричнина. Но царь, как видно, считал, что подданные его достаточно привыкли к новому укладу, и теперь накопленную силу можно использовать для удара по внешнему врагу.

Буря

Осенью 1567 года большая русская армия сконцентрировалась, чтобы окончательного разгромить польско-литовские силы на Ливонском театре военных действий. Возглавил ее сам

³⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 193. М., 1813. Ч. 1. № 193.

³⁸ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 12.

государь Иван Васильевич. Цвет опричнины участвовал в кампании наряду с полками земцев. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были повести наступление на Ригу.

Государь Иван Васильевич полон был добрых надежд. Ему казалось, быть может, что в великой войне осталось сделать последнее усилие. Что благое предприятие, связанное с усмирением еретиков и присоединением новых земель к православному царству, вот-вот принесет плоды.

Но... слишком зыбкой сделалась почва под ногами царя. Там, где он чаял получить от опричнины твердость и силу, пришли вместо них шатание и разброд.

К тому времени возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранцы сообщают о том, что русская знать заключила соглашение (contract) с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем. Поляки предлагали князьям И.Д. Бельскому, И.Ф. Мстиславскому, М.И. Воротынскому и боярину И.П. Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» лучших воевод Ивана IV (а все четверо по странному «совпадению» имели талант тактического или организационного характера), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого эти послания попали³⁹, игру противника раскусил. От имени адресатов он отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало следующие слова: «...Я уже человек немолодой и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить – ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоём государском хотении?»⁴⁰ Для Ивана Грозного совокупность этих «кусательных» посланий составляет прежде всего выигрышную «сцену»: монолог центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих...

Царь вновь вышел на сцену, произносил монологи, издевался над вражеским тупоумием. Красивая роль. Пусть не из тех, какие положено играть на котурнах, однако... едкий пафос ее пришелся русскому монарху по душе.

Но все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, – не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, втайне подготовить переворот?⁴¹ Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара наступающим рус-

³⁹ Впрочем, возможно, не все. И с этой точки зрения не столь уж странно выглядит сдача Изборска в 1569 году.

⁴⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. III. С. 519.

⁴¹ В отношении князей Мстиславского, Бельского и Воротынского подобного рода подозрения, скорее всего, беспочвенны: эти люди всю жизнь честно дрались за Россию, а Бельский и голову за нее сложил. Но у Федорова основания пойти на сотрудничество с поляками были. Его держали голым в заточении в связи с расследованием событий 1546 года, и он во всем тогда винулся... Потом И.П. Федорову пришлось отправиться в ссылку. Трудно забыть такие унижения.

ским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров?⁴²

Князь Владимир Андреевич предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору⁴³, и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. Это произошло непосредственно во время военного похода осенью 1567 года.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию решающего удара. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее – при желании поляки могли устремиться в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. Он отменяет поход и узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отходит. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало – некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия*...⁴⁴

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Федорова. Его разорили, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. Там, по велению государя, боярин должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал? А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Был ли Иван Петрович Федоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Нельзя дать ни твердый отрицательный, ни твердый положительный ответ относительно его истинных намерений. Гораздо важнее другое.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге величайшей победы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему самому и его семье грозят неведомые опасности. Обладая нервной, артистической натурой, Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько раз в жизни испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, бывал под неприятельским обстрелом, совершал поход вглубь вражеской территории... Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций – взрывных, мощных, слабо сдерживаемых. Что могло случиться на исходе 1567-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал наплыв страстей. Неотвязный страх вызвал не менее ужасный гнев. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

⁴² Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 48.

⁴³ Иностранные источники сообщают также, что заговорщиков выдали, помимо кн. Владимира Андреевича, также главные столпы земщины – кн. И.Ф. Мстиславский и И.Д. Бельский. Но Б.Н. Флоря, тщательно изучив, где и когда находились эти лица, отверг основательность данного сообщения (Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 217–218).

⁴⁴ А силы, собранные поляками, были очень значительны, и с их действиями на русском фронте связывались большие надежды. См.: Piwarski K. Nioszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka za Zygmunta Augusta na Moskwe (rok 1567—68) // Ateneum Wilenskie, rok IV, zeszyt 13, 1927.

«Дело Федорова» имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались, словно спелые колосья под ударом косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. Только по документированным данным, число жертв составило 400–500 человек. В связи с «делом Федорова» в Москве и «по городом» опричники уничтожили немало высокородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Федора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырева-Ростовского, нескольких представителей боярского рода Шеиных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев... Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Репрессии, которыми завершилось расследование «дела Федорова», превратили опричнину в аппарат грандиозной террористической деятельности. Об этом повороте в политике Ивана Васильевича впоследствии писал Джильс Флетчер: «И тех и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, *коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек*⁴⁵. Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадёжного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он, вследствие худого положения дел, впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных»⁴⁶.

Флетчер, конечно же, рисует «русские ужасы», намекая англичанам на то, что и в их отечестве существует угроза тиранического правления. Поэтому он нередко использует сплошь черную краску. Как уже говорилось, первые годы опричнины не знали массовых репрессий. Однако теперь, в ходе расследования по «делу Федорова» или, если угодно, по делу о «земском заговоре», опричнина стала трансформироваться. В 1568 году ее административные prerogatives оказались значительно расширены, а карательные функции возросли многократно. Здесь англичанин не отступает от истины.

Существовал ли на самом деле «земский заговор», сказать трудно. Действия польско-литовского командования показывают: какими-то сторонниками в русском лагере неприятель мог располагать. Однако «расследование» обернулось кровавой расправой, когда заодно с подозреваемыми предавали унижению и смертной муке невинных, в том числе женщин, слуг, детей.

Вот характерный отрывок из синодика репрессированных при Иване IV: «Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, Князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин. Хозяин

⁴⁵ Впервые террористические акции подобного масштаба производились именно в связи с «делом Федорова» в 1568 году. Курсив мой. – Д. В.

⁴⁶ Флетчер Дж. Указ. соч. С. 48–49.

Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Колычов, Иван, сын его, Иван Трусов... В ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано... Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына...»⁴⁷

Видя всю эту кровь, все эти бесчинства, митрополит Филипп вновь возвысил голос против опричнины. Сначала он тайно увещевал царя, но не мог переменить монаршее настроение. Затем прилюдно, в храме, митрополит несколько раз отказывал Ивану IV в благословении. Отвечая на гневные слова царя, он произносил обличительные речи. Действия опричников и их царственного вождя для Филиппа выглядели как одно сплошное нарушение Господней заповеди любви. Он выступил, презирая смерть и не боясь потерять высокий сан. Он твердо стоял в истине. Так бывало полторы тысячи лет назад, когда римские императоры устраивали гонения на ранних христиан. И монарх, ярясь на главу Церкви, сломить его упорство не мог. Филипп – самая светлая фигура всей полувековой грозненской эпохи. Он подарил потомкам столь высокий нравственный образец, что его надо считать фигурой, *как минимум равной* первому русскому царю по своему историческому значению. А для монарха, высоко ценившего внешнюю сторону своей роли – благочестивейшего из христианских государей, хранителя истинной веры, – открытое осуждение со стороны первого из русских церковных иерархов стало убийственным по силе разоблачением... За неповиновение Филиппа подвергли несправедливому суду, утопили в лжесвидетельствах и свели с кафедры. Казни подверглись несколько митрополичьих старцев, пострадала и его родня⁴⁸. В декабре 1569 года бывшего митрополита, сосланного в тверской Отроч монастырь, убил опричник Малюта Скуратов⁴⁹.

В 1569 году подвергся аресту и был отравлен князь Владимир Андреевич Старицкий. Слишком уж часто недовольные связывали перспективу смены государя с его именем... Вместе с ним погибли от яда жена и дочь. Умертвили также слуг князя Владимира Андреевича. Историки не находят убедительных свидетельств реального заговора Старицких.

В том же 1569 году действительный изменник Тимофей Тетерин, связанный с главным врагом и публицистическим оппонентом Ивана IV князем А.М. Курбским, помог литовцам взять Изборск. Крепость быстро отбили, но на гарнизонных приказных людей пало подозрение в измене. В результате их обезглавили. Та же участь ожидала их коллег в соседних городах и крепостях. Царь заподозрил новгородцев и особенно псковичей в сношениях с неприятелем, стремлении передать свои города Речи Посполитой. В качестве превентивной меры он выслал несколько сотен семей из Пскова и Новгорода Великого. Но этого, как видно, ему показалось недостаточно. В течение нескольких месяцев готовился грандиозный карательный поход, целью которого было очистить от «измены» колоссальную область, лежащую к северу – северо-западу от Москвы. Реализация этого замысла принесла России самый тяжкий и самый кровавый шрам из всех, нанесенных опричниной. «Северная экспедиция» стала апогеем террора и породила у соседей патологическую боязнь «московита», ярко отразившуюся в брошюрах и летучих информационных «листках» того времени.

В промежутке от декабря 1569-го до марта 1570 года опричная армия совершила экспедицию по «петле» от Москвы через Клин, Торжок, Тверь, Новгород Великий и Псков – к Старице. Всюду опричные отряды сеяли разорение и убийства. Города подверглись страшному грабежу. Бесстыдного разграбления не избежали и храмы. Государь велел забрать даже колокола по церквям и монастырям. Пленников, размещенных в населенных пунктах по ходу опричной экспедиции, – литовцев, полочан и татар – истребляли. В Новгороде Великом государь остановился надолго, занявшись расправой над богатым посадским населением и рас-

⁴⁷ Синодик взят по изданию: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 530–531.

⁴⁸ *Володихин Д.М.* Митрополит Филипп. М., 2009. С. 162–218.

⁴⁹ Подробнее см. в главе, посвященной Малюте Скуратову.

пустив команды опричников по новгородским землям. Р.Г.Скрынников следующим образом комментирует серию террористических акций против торгово-ремесленного населения города: «Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая из них состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода. Другая цель состояла в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения. Грабежи и бесчинства опричников вызывали страх и возмущение в народе, и царь, помнивший о московском восстании 1547 года, желал предупредить самую возможность возмущения черни. Помимо того, опричная дума не могла не знать об антимосковских настроениях коренного новгородского населения»⁵⁰. Летописи и рассказы иностранцев полны кровавыми подробностями новгородского разгрома. В Москву отправились длинные обозы с награбленным имуществом...

Масштабы псковского разорения не столь велики. По сообщениям ряда источников, как иностранных, так и русских, царя напугали укоризны местного юродивого Николы или Микулы; уstraшенный монарх пощадил город.

В связи с новгородским «изменным делом» казнили также крупного военного администратора боярина Василия Дмитриевича Данилова и несколько человек из его окружения.

Количество жертв «северного похода» исчисляется тысячами. Источники сообщают о десятках тысяч, но строго документированные потери составляют около 2500–3000 человек. Все, что было сверх этого, – а сомнений в том, что погибло больше людей, не испытывает никто из историков, – величина гадательная. Но даже 2000 для одного Новгорода – страшная цифра! Если бы всех жителей города построили в одну шеренгу перед стенами и зарубили каждого десятого, результат был бы именно таким. Царь подверг город децимации, подобно тому как в языческом Риме наказывали побежавший с поля боя легион...

Причина нанесения удара именно по Новгороду вызвала у исследователей дискуссию. Не вполне понятны причины выбора северных областей для разгрома, и еще менее понятны резоны, заставившие Ивана Васильевича придать этому разгрому столь чудовищные формы.

Р.Ю. Виппер видел в новгородской карательной экспедиции превышение «меры исправительных наказаний», допуская возможность возникновения литовской партии в Новгороде Великом⁵¹. Он считал, что не стоит повсюду видеть одно лишь воспаленное воображение Ивана Грозного. Впрочем, Виппер честно признавался: установить степени действительной вины или же полноту невинности новгородцев он не может. П.А. Садиков был гораздо жестче в своих оценках. Он сообщает читателям: «...Грозный... во главе опричнины выступил в карательную экспедицию против уличенных к тому времени в „измене“ новгородцев и псковичей»⁵². А.А. Зимин писал об объективной необходимости сокрушить один из последних оплотов удельной раздробленности. Р.Г. Скрынников подчеркивает: причиной новгородского разгрома послужило опасение Ивана Васильевича, что новгородцы окажут поддержку заговорам против него. Это было бы крайне опасно, если учесть финансовую и военную мощь Новгородчины, особенно при жизни Владимира Андреевича Старицкого. «Царь и его окружение жили в напряженном ожидании мятежа и смуты. В таких условиях достаточно было толчка, чтобы последовал взрыв. Таким толчком послужили, во-первых, известие о перевороте в Швеции и свержении союзника царя Эрика XIV и, во-вторых, начавшееся расследование об измене Новгорода и Пскова»⁵³. Б.Н. Флоря считал новгородский заговор «вымыслом», которому Иван Васильевич поверил: «...в иной ситуации царь и его советники не придали бы слуху о подоб-

⁵⁰ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 95.

⁵¹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 168.

⁵² Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 35.

⁵³ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 77–78.

ном заговоре никакого значения. Но в той обстановке психологического напряжения, которая сложилась в условиях постоянной борьбы с „изменой“, к этим сообщениям относились со всей серьезностью»⁵⁴. Последнее звучит несколько неправдоподобно – царь еще с 1540-х годов знал, какова цена политической интриги, да и вообще имел достаточный опыт в делах правления, чтобы не основывать на слухах столь масштабную акцию. Государь был не слабонервным интеллигентом, а политиком высокого ранга. Стоит взглянуть в сегодняшний олимп власти и попытаться назвать хотя бы одного деятеля, способного из-за веры в сплетни ввязаться в кампанию подобного размаха. Не вспоминается? Иначе и быть не может. Это не подковерная борьба академического сообщества, тут за ошибки платят властью, богатством и жизнью, так что мнительные болваны надолго не задерживаются.

Итак, в разное время относительно причин Новгородского разорения историки привели немало версий. Неоднократно дискутировался вопрос о том, было ли на самом деле хоть что-то напоминавшее мятеж и если не было, зачем тогда Иван IV раздул невнятные слухи о заговоре до размеров, позволивших ему совершить страшный опричный разгром северных русских земель⁵⁵. По мнению автора этих строк, причина лежит на поверхности. Русский народ того времени, молодой, агрессивный, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намыленным «молодеж» в цивилизационном отношении. И следовательно, для русских того времени было естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа уже была достаточным основанием для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли стать мощными дестабилизирующими факторами. Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что активное вооруженное сопротивление опричному войску оказывалось. В частности, Генрих Штаден пишет: «[Челядин-Федоров] был вызван на Москву; [здесь], в Москве, он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу [Челядину-Федорову]. Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями – были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур... Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них были тайно убиты»⁵⁶. Более того, по его словам, переезд государя в Александровскую слободу произошел под влиянием «мятежа». Позднее, во время царского похода в северные земли, в частности против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место⁵⁷. В.И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича⁵⁸. Пискаревский летописец сообщает: «И бысть ненависть на царя от всех людей»⁵⁹.

⁵⁴ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 236.

⁵⁵ А заодно, как подчеркивают некоторые историки, «реквизициями» и открытым грабежом добыть средства для продолжения войны, пополнить казну. Впрочем, состояние страны в 1570 году было еще не таким уж тяжелым, чтобы для продолжения военных действий требовались столь радикальные средства. Кроме того, царь мог просто взять всё, чего бы ни пожелал. Безо всяких военизированных экспедиций... Ограбление северных русских областей – следствие бесчинств, естественная добавка к ним, но не изначальная цель похода.

⁵⁶ Страна и правление московитов // Штаден Г. Указ. соч. С. 45. Курсив мой. – Д. В.

⁵⁷ См. приложение II.

⁵⁸ Корецкий В.И. К истории неофициального летописания времени опричнины // Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 14–33. Это мнение В.И. Корецкого, основанное главным образом на кратких летописных заметках, подверглось впоследствии критике, однако полностью опровергнуто не было. См., например: Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 23–24.

⁵⁹ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190. Курсив мой. – Д. В. Это известие в разное время датировали то 1566 годом, то 1568-м (первый вариант более распространен). Слова о «ненависти» относятся к периоду до начала массового террора.

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла быть очагом наиболее активного сопротивления. Царь нанес ответный удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем «измены».

Если проанализировать маршрут «северного похода», то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения.

Смена «команды»

Новгородский разгром стал самым ужасным деянием опричнины, но далеко не последним. Массовые казни продолжались. Царский топор прошелся по рядам самих опричников. Их обвиняли (не без основания) в казнокрадстве, административных и судебных нарушениях. Кроме того, царь подозревал некоторых начальствующих лиц опричнины в том, что они пытались известить новгородцев о готовящемся карательном походе. Если они знали, какой удар обрушится на северные русские города и земли, на Новгородчину в том числе, если они понимали, какой кровушкой отольется на этот раз монаршее желание карать непослушных земцев... то их можно понять. Как знать, не шевельнулось ли что-то в человеческом сердце: матерые опричники дали кому-то шанс уйти от опричной секиры, от грабежа, от душегубства, от насилия. Как знать... В любом случае несколько великих людей старой опричнины, ее «отцов-основателей», кончили карьеру худо. Не все лишились жизни, но даже те, кто избег смертной казни, вынуждены были навсегда удалиться от власти.

Летом 1570 года страшный удар был нанесен по высшему слою приказных людей⁶⁰. Казни проходили публично, в Москве на Поганой луже, и сопровождалась пытками. В них участвовал сам царь, собственноручно пытая и убивая. В один из дней, по согласному свидетельству нескольких не зависящих друг от друга источников, палачи умертвили более 100 человек... Именно тогда ушел из жизни известнейший российский дипломат того времени – дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он пытался отговорить Ивана Васильевича от продолжения террора, озвучив простой, но верный аргумент: кто же останется у царя для ведения войны и для дел правления? Московский посад сохранил воспоминания о публичных казнях 1570 года в сказаниях, содержание которых не делает чести государю.

Но кровь, смерти, пытки, застенки – внешняя история опричнины. А была еще и внутренняя. Главным вопросом ее было: кого и на какие должности государь передвинет после того, как старые его соратники «не оправдали доверия»? Так или иначе, в их число входили серьезные командные кадры, опытные управленцы... Те же боярские рода – неотъемлемая часть старомосковской элиты – казались несокрушимой «старой гвардией» опричнины. Но именно они после казней первой половины – середины 1570 года утратили свое влияние. Государь вынудил их потесниться. Если взглянуть на опричнину очами царя в 1570 году, откроется картина, вызывающая острое разочарование. Казни не дают уверенности в отсутствии новых изменников. Дела на фронте не радуют: планы победоносной кампании против литовцев ушли в прошлое, твердо стоят крупные города Северной Прибалтики, и даже крепости помельче готовы сопротивляться русскому продвижению на запад. В такой ситуации самые верные, самые надежные, казалось бы, люди, заласканные монаршей рукой в предыдущие годы, неожиданно оказываются пособниками врагов! Вряд ли в монаршую голову пришла мысль, что мера его «исправительной» жестокости давным-давно вышла за рамки здравого смысла и нравственного чувства. Надо полагать, Иван IV испытал потрясение. Люди-столпы на глазах утратили надежность. Их место в опричном аппарате должны были занять новые люди...

⁶⁰ Основные обвинения – измена и служебные злоупотребления.

Тут происходит настоящий служебный переворот. Старинные боярские семейства уступают в опричнине позиции, и позиции эти занимают... княжата! Их доселе не пускали в состав «черного воинства». Да они, надо полагать, и не рвались туда. Но вот из социальной среды, доселе исключенной из опричных кадровых ресурсов, начинают обильно рекрутироваться воеводы и администраторы. Старый порядок рухнул в несколько месяцев. Осенью 1570 года его уже не существовало. Княжата во множестве приходят на высокие посты в опричной армии, получают чины в опричной Думе.

Следовательно, *государь Иван Васильевич пришел к печальному для себя выводу: без княжат он обойтись не может.* Во всяком случае, пока.

Поражение

В приложении II перечислены походы опричных отрядов и больших полевых соединений. Очень хорошо видно, что опричная военная машина с максимальной интенсивностью работала в 1568–1570 годах. Именно тогда она и должна была проявить себя на полях сражений, показать, какие результаты дала реформа, за которую было заплачено дорогой ценой.

Лето 1569 года застало под Калугой опричные силы, развернутые в пять полков. Ранее их бывало не более трех, теперь же численность опричных боевых отрядов явно возросла. Сил опричнины в течение года с лишним (до осени 1570-го) хватало на то, чтобы выводить мощные пятиполковые соединения в поле.

Первое время войско опричников показывало примерно те же результаты, что и земская армия. Выходы в поле, оборонительные операции, удача в борьбе за Изборск, с помощью хитрости захваченный неприятелем, победа над войском крымцев под Зарайском... Если под стенами Изборска опричники действовали совместно с земцами и последние были главной силой, то у Зарайска татар громил собственно опричный отряд.

Но все это были частные успехи. А государь искал способ добиться решающей победы в Ливонии. Опричной армии дали командный состав, всецело пользовавшийся доверием Ивана Васильевича. Надо полагать, он уверен был в способности опричной военной машины обеспечить стратегический перелом. Западный театр военных действий интересовал монарха в первую очередь. Иван IV бросал туда новые и новые силы, даже если приходилось ставить в рискованное положение степной юг. В результате Ливония сыграла роль колоссальной топки, куда русских воинских людей подбрасывали большой лопатой, будто уголек. И этот уголек исправно горел. Казалось, наверное, людской ресурс неисчерпаем. В итоге он под занавес великой войны выгорит. Возмещать потери станет нечем.

Летом 1570 года русское войско, усиленное отрядами ливонского короля Магнуса, союзника Ивана IV, осадило Таллин (Ревель). В распоряжении воевод была отличная артиллерия и многолюдные полки. Однако и город оказывал упорное сопротивление. Через два месяца после начала осады из России подошло подкрепление – опричный корпус. Его присутствие в осаждающей армии дало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. В хронике таллинского пастора Бальтазара Рюссова, в частности, сообщается: «Этот отряд гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая. Они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу». В итоге решимость защитников города лишь возросла, а мирные переговоры с ними потеряли всякий смысл. Проведя всю зиму под стенами неприступной крепости, русские полки в марте 1571 года вынуждены были отступить.

Воеводы, виновные в срыве Ревельской операции, под арестом отправились в Москву.

Тогда же немец-опричник Таубе попытался поднять мятеж в Юрьеве-Ливонском.

Еще хуже складывались дела на южном фронте.

Новая гроза пришла весной 1571 года. Разразившаяся тогда военная катастрофа пошатнула здание опричнины, впрочем, зашаталась и вся Россия.

Девлет-Гирей явился на южные «украины» Московского государства с большим войском, полный решимости разорить страну, а еще того лучше – погубить ее. Между тем Москва равноценных сил выставить в поле не могла: значительная часть русских войск занята была под Ревелем. Да и поредели полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта...

Более того, действия наличных сил трудно было скоординировать: командование-то было разделено на опричное и земское.

С русской стороны к татарам перебежали дети боярские, напуганные, по всей вероятности, размахом опричных репрессий. Или, возможно, раздосадованные казнью кого-то из родни... Один из перебежчиков показал крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии. Другой сообщил, сколь малы силы, противостоящие хану. Девлет-Гирей перешел Оку вброд и, сбивая наши заслоны, стремительно двинулся к Москве. Опричным отрядам не удалось затормозить его наступление.

Царь с частью опричного корпуса отступает к Москве, оттуда к Александровской слободе, а из слободы – аж в Ростов. В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану. К тому же Московское государство ослаблено: страну терзает морозное поветрие, два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватает.

Иван Васильевич испытывает настоящее потрясение. В 1552 году под Казанью он боялся по милости собственных воевод попасть к неприятелю в руки. Теперь старые его страхи оживают и материализуются. Неожиданно для Ивана IV татары оказываются в непосредственной близости от его ставки. Никто не привел государю языка. Никто не позаботился о ведении сторожевой службы. Прежде всего, допустили странное легкомыслие командиры передового и сторожевого полков, на которые возлагались обязанности авангардных частей армии. Опричные воеводы проходят мимо царя с полками в растерянности, не зная, что предпринять. Иван IV опасается, как бы кто-нибудь не взял его коня под уздцы и не привел его вместе со всадником к Девлет-Гирею. Отступление кажется государю наименьшей из бед. Так поступали многие князья московского дома, застигнутые татарским набегом врасплох. Курбский назовет в третьем послании Ивану Грозному напишет: «...мог бы ты... вспомнить... какие язвы были Богом посланы – говорю я о голоде и стрелах поветрия (мора), а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона Божьего, и внезапное сожжение славного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, – царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; некие здесь нам говорят, будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с крошечниками своими, едва ты от голода не погиб!»⁶¹ Для Штадена тоже все понятно: «...великий князь вместе с воинскими людьми – опричниками – убежал в незащищенный⁶² город Ростов». Но в столь опасной ситуации государю, вне зависимости от того, испытывал ли он необоримый ужас, или был способен преодолеть его, не следовало рисковать жизнью. Гибель монарха могла свергнуть Московское государство в еще горшие неприятности. Другое дело – опричное войско. Стоило ли уводить значительную часть его с собой, оголяя оборону Москвы, и без того скудную? Бегство царя в обстоятельствах 1571 года логично и понятно. Но бегство боевых отрядов и непонятно, и нелогично⁶³. Совершенно так же непонятно и то, почему Иван Васильевич не остановил опричных ратников: если бы дело было в одном только страхе, если бы царь вел себя на протяжении всей жизни как патологический трус (чего не было), то и в этом случае не находил объяснений желание уйти

⁶¹ Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 89. К р о м е ш н и к – опричник.

⁶² То есть не укрепленный стенами.

⁶³ Между тем английский торговый агент Джером Горсей сообщает, что вместе с царем из-под Москвы ушел и огромный стрелецкий корпус... Почему? Нет ответа. См.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 56.

с ненадежным воинством в неукрепленный город, в то время как из-под Таллина в Россию возвращалась первоклассная полевая армия. Возможно, государем овладела растерянность... Или же сами опричники не очень-то соглашались вернуться и принять бой с крымским ханом? На эти вопросы пока нет здравых и точных ответов.

В отсутствие лучшей части опричного корпуса земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князь Иван Дмитриевич Бельский, князь Иван Федорович Мстиславский и князь Михаил Иванович Воротынский. Частью опричного корпуса под Москвой руководил князь Василий Иванович Темкин. Ему Иван IV оставил два полка. Изрядная сила! Казалось, положение города небезнадежно. Бельский контратаковал татар и, видимо, добился успеха: «...выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за болото и дело с ними делал»⁶⁴, а по другим источникам, даже «забил» крымцев «за болото, за луг». Как видно, земская рать изготовилась драться до последнего. Вот уж воистину, «отступать некуда, позади – Москва!».

К сожалению, атакуя татарское войско, главнокомандующий князь Бельский получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие, по мнению Р.Г. Скрынникова, внесло известную дезорганизацию в действия обороняющихся⁶⁵.

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары сначала подошли к царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день – московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратно убивал город. Земские ратники оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погибли боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Сгорел Опричный двор. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь⁶⁶, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было – лишь несколько сотен чудом уцелевших детей боярских...

Небольшой полк Воротынского стоял на отшибе и сохранил боеспособность. Князь преследовал крымцев, однако, по малолюдству своего отряда, не сумел отбить пленников. Орда ушла, по дороге разорив Рязанщину.

После гибели русской столицы в пожаре 1571 года массовый террор сошел на нет. Царь не стал милостивее, он лишь начал считать потери. Очередной «эксперимент» наподобие новгородского грозил оставить его без населения, способного нести тягло и содержать двор. Аргумент Висковатого встал в полный рост... Нет, казни не прекратились.

Например, уже в 1571 году подверглось казни немало высокопоставленных опричников, а в 1573 году простились с жизнью трое знаменитых воевод: Воротынский, Морозов и Одоевский. Да и позднее на плахе пролилось немало крови. Просто 1571 год поставил точку в репрессиях, объединявших под топором палача правых и виноватых, действительных злоумышленников и лиц, «привлеченных по делу» из-за служебных или родственных связей с ключевыми фигурами расследования. Больше удары не обрушивались и на посад.

Чем был «большой террор» для страны? Временем, когда упала ценность человеческой жизни и население получило действенную прививку от уважения к законам. В самом деле: к чему быть нравственным человеком, когда кругом грабеж, насилие и убийство, а во главе

⁶⁴ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 237.

⁶⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 285.

⁶⁶ Неясно, что послужило главной причиной отступления Девлет-Гирея. То ли потери его были достаточно велики, то ли прошел слух о приближении царской армии, то ли, скорее, сам грандиозный пожар вызвал у крымцев суеверный ужас.

всей вакханалии – сам государь? К чему «играть по правилам» и соблюдать установления судебников, если самая суровая кара может ни за что ни про что обрушиться на случайного человека, а злодей восторжествует в суде? Исследователи русского права утверждают: авторитет юстиции пал тогда очень низко⁶⁷.

Чем были годы массовых репрессий для самого царя? Видимо, апогеем его «актерства» в худшем значении этого слова. Он с упоением играл роль сурового, но мудрого и справедливого правителя, им же самим придуманную. В обстоятельствах 60—70-х годов XVI столетия Россия очень нуждалась в расчетливом дельце на троне, человеке прагматичном до мозга костей и притом искренне и глубоко верующем. Стране необходимо было выбраться из губительной ситуации, которую создавала война против нескольких сильных неприятелей одновременно. А Церковь очень нуждалась в поддержке государя, поскольку должна была заняться христианизацией обширных пространств, замиренных не до конца. Что вместо этого получили Россия и Церковь от Ивана Васильевича? Трагифарс необдуманного реформаторства и кровавую кашу массовых репрессий. Главный защитник православия принимается обдирать колокола со звонниц. Главный защитник страны грабит собственные города...

Но вот опричнина, любимое детище царя, оказывается бессильной и небоеспособной как на полях сражений в Ливонии, так и в генеральном столкновении с крымцами. *Столько расходов, столько крови, столько социального напряжения, а система, созданная в результате всех этих усилий, в решающий час не работала.*

На Ивана Васильевича обрушивается новое разочарование – тяжелей прежнего.

Проводя аналогии с современностью, его можно сравнить с учредителем большой компании, в которой директорат прибрал к рукам слишком много власти и стал почти неподконтрольным. Прибыли резко упали. Учредитель набирает новую команду – молодых, энергичных, подающих надежды людей. Заменяет ею часть команды старой. Увольняет, кого можно уволить. Сажает в тюрьму тех, кто, по его мнению, активно сопротивляется и нарывается на особый урок. Меняет уставные документы. Всё отлично? Всё подконтрольно? Всё заработало? Хм, почему-то прибыль не растет... О! Зато как подскочили расходы! Похоже, затея не принесла успеха...

С мая 1571 года опричная армия больше не выходит в поле как самостоятельная сила, то есть как войско, отдельное от земского. Опричные воеводы всё еще служат по спискам, отдельным от земских. Но на должности в крепостных гарнизонах и действующей армии они ставятся вместе с земскими военачальниками. Раздельное командование исчезает. Фактически начинается демонтаж опричнины, и прежде всего «разбирают» ее военную организацию.

Слободской орден

Помимо военной, административной и «дворовой» иерархии, опричнина создала еще одну... язык не поворачивается назвать ее «духовной» или «монашеской». Слишком уж далека она от православных устоев.

К опричному времени относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии». Немцы-опричники Таубе и Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно 3 Д.М. Володихин следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»⁶⁸. Это полностью подтверждается русскими источниками, до наших

⁶⁷ В.А. Рогов убедительно доказал этот тезис в монографии «История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв.» (М., 1995).

⁶⁸ Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 396.

дней дошло даже изображение конного опричника с метлой и собачьей головой. Опричники должны были носить грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских. Зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху...

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошло около 500 человек, по словам тех же Таубе и Крузе, «...молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». Опричное братство оценивали очень по-разному. Основным источником по его истории является послание Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу, памятник противоречивый и далеко не столь достоверный, как, например, записки Ченслора, Дженкинсона и Шлихтинга. Планы обоих потерпели в России крушение, к царю, да и в целом к стране они относились неприязненно; ожидать от них объективности не приходится. Однако ничего лучшего в распоряжении историка нет⁶⁹

⁶⁹ Таубе и Крузе сначала добились от царя больших почестей, затем, как говорили в советское время, «не оправдали доверия» и, опасаясь за свою участь, подняли мятеж, окончившийся неудачей. Им оставалось перебежать к полякам. Там дуэту пришлось «отрабатывать» художества (в том числе авантюрный проект подчинения царю всей Ливонии), совершенные на территории России. Внимательный источниковедческий анализ обнаруживает в «Послании...» фактические нестыковки и очевидную тенденциозность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.